Робин Гуд

Автор:
Ирина Измайлова

Робин Гуд

Ирина Александровна Измайлова

Библиотека исторического романа (Вече)

Казалось бы, кто не знает Робина Гуда – вольного стрелка из Шервудского леса – и его верных соратников: Малютку Джона, брата Тука, Уилла Скарлета и Мэриан? Об их приключениях, борьбе со злым и коварным шерифом Ноттингема написано множество историй, баллад и рассказов, снят не один десяток фильмов. Но нет, поколения читателей вновь и вновь желают узнать о новых похождениях благородного разбойника.

И вот перед нами новый роман известной петербургской писательницы Ирины Измайловой, которая, как всегда, способна удивить даже самого искушенного читателя совершенно необычным рассказом о знаменитом персонаже. У автора Робин Гуд – самый настоящий, живой человек со своими достоинствами и недостатками, а не романтический защитник слабых и угнетенных из легенд…

Ирина Измайлова

Робин Гуд

Пролог

Палестинский крест

Глава 1. Опустевший замок

Семеро всадников, которые сырым летним утром ворвались в старинную цитадель, наверняка рассчитывали застать здесь ее обитателей и были готовы к тому, что непрошеных гостей не захотят впустить: у двоих всадников имелись метательные крючья с привязанными к ним прочными веревками. Ров оставался сух, и захватчики надеялись, легко перейдя его, с помощью крючьев и веревок одолеть одну из стен.

Но их задача оказалась куда легче – подъемный мост был опущен, а старинная массивная решетка ворот поднята. Поэтому всадники, облаченные в боевые доспехи, как ни удивило их это открытие, не замедлили хода. Подковы их лошадей прогрохотали по толстым дубовым доскам, и затем грохот утих под каменной аркой внешней стены замка.

Замку было не меньше трехсот лет, его строили в середине восьмого века от Рождества Христова, но, не окажись он сейчас в таком запустении, им по-прежнему любовались бы жители окрестных поселений, а недругам было б нелегко его захватить. Высокие, в десяток туаз[1 - Туаза – распространенная мера длины в ряде стран средневековой Европы. Равнялась примерно 1 м 80 см.] мощные стены, сложенные из массивных каменных плит, образовывали правильный восьмиугольник, так что с каждой из угловых башен свободно просматривались остальные. Широкий и глубокий ров подходил к стенам вплотную. На самих же стенах было достаточно места, чтобы, если понадобится, вести бой, а во время осады варить смолу и угощать ею осаждающих. За сооруженными по краям зубцами могли укрываться лучники. Внутри двора, образованного стенами, располагались жилые постройки, конюшни, кузница и несколько хлевов: прежде здесь держали домашнюю скотину. Донжона[2 - Донжон – центральная башня средневекового замка. Служила как жилое помещение, но нередко и как тюрьма.] не было, в те годы его возводили редко, но и без него сооружение смотрелось внушительно и сурово.

Теперь, спустя три столетия, любой, кто кинет взгляд на старинный замок, заметил бы его запустение. Ров почти пересох, вода заполняла его только в весеннее половодье и порой в пору сильных осенних дождей. Края, скаты и дно заросли кустарником. Кустики и деревца проросли кое-где и на ветшающих

стенах, из которых стали выпадать камни.

Однако замок оставался жилым: цепи подъемного моста по-прежнему аккуратно чистились и смазывались, как и ворот, с помощью которого поднималась решетка, закрывающая арку.

Прошло не более получаса, и те же семеро всадников вновь показались в проеме неширокой арки. Вид у них был обескураженный, а тот, что ехал первым (и туда, и обратно), бранился самыми грязными словами, какие только мог найти во французском языке[3 - Действие повести происходит в середине XII века. Во второй половине XI века Англия была завоевана норманнами. После этих событий верхушкой английской знати стали норманнские рыцари, которые в большинстве своем не знали английского языка.].

– Кто-то предупредил зловредную ведьму! – орал он в ярости. – Будь я проклят и нынче, и в будущем, если ее кто-то не предупредил! Куда она могла подеваться?! А слуги где?!

Он обернулся к своему маленькому отряду:

– Вы точно все осмотрели?

– До последнего уголка! – отозвался один из тех, возле чьего седла болтался осадный крюк с бухтой прочной пеньковой веревки. – Да и что там осматривать? Три четверти построек заброшены, полы сгнили, балки рухнули. Негде прятаться. Тем более бабе, да еще на сносях… В каморке, что в левом крыле, живет старик-конюх, рядом – кухарка, она же домашняя прислуга. Ни он, ни она даже и не знали, что их госпожа не в замке, думали, спит. Я их потряс как следует, только охают да ахают. Не врут, точно вам говорю. Нет-нет, мессир, она, как видно, одна улепетнула. Кучер показал единственную в замке лошадь – та три дня, как захромала.

– Так что же, эта сумасшедшая убежала пешком?! – взревел предводитель отряда. – И я должен в это поверить?!

– Придется, мессир, – заметил другой воин. – Скорее всего, у нее при себе было немного денег либо побрякушка какая-нибудь ценная, и она понадеялась в долине, а может, на дороге разжиться лошадкой, мулом или ослом. Да, как там

ни крути, отсюда она удрала. И, надо думать, прямо у нас под носом. Может, кто ее видел? Стоило бы спросить вон у тех вилланов[4 - Вилланами называлась основная масса крепостных крестьян в Англии XI–XII веков. Вилланы облагались значительной данью, но имели и некоторые права, существовавшие до закрепощения большей части крестьянства страны.].

С этими словами он указал на двоих крестьян, что пасли неподалеку от рва пару десятков овец.

– Эй вы! – предводитель отряда подскакал вплотную к селянам. – Вы давно здесь?

– Так, только-только пригнали стадо, ваша милость! – ответил, склоняясь перед рыцарем, пожилой виллан в овечьем плаще и стеганой шапке.

– Врешь, скотина! Когда мы приближались к замку, вы уже топтались здесь со своими овцами! Говори, кто выезжал или выходил из этих ворот? Кого вы видели на мосту, и куда она или они направились?

Крестьяне в испуге пятились от наезжающего на них рыцаря, а овцы с протяжным блеянием стали расползаться по кустам.

– Милорд![5 - Среди английских крестьян были приняты обращения к сеньорам, возникшие при формировании феодальных отношений еще до завоевания Англии норманнами. Поэтому пастух называет рыцаря милордом, его же дружинники, говорящие с ним по-французски, применяют обращение «мессир».] – вступился за своего товарища пастух помоложе. – Лори говорит вам правду: мы тут совсем недавно и точно никого не видели. Мост этот, когда мы пришли, был уже опущен.

– Я велю моим лучникам перестрелять всех ваших овец, если вы мне не скажете правду! – теряя последнее терпение, взревел предводитель отряда. – А будете молчать и дальше, отправим вас вслед за овцами!

– Это на монастырской-то земле? А по какому праву?

Голос, произнесший эти слова, был так звучен и так спокоен, что все семеро всадников и оба крестьянина тотчас на него обернулись. На тропе, что шла, огибая ров, от холма к заросшей лесом низине, стоял высокий человек в серой монашеской сутане и с крестом на груди. На вид он был молод – лет двадцати пяти или чуть старше, но держался необычайно уверенно. Этого не мог не заметить предводитель отряда захватчиков. Монах был уж точно не простой, к тому же резкие черты его худого подвижного лица выдавали немалую внутреннюю силу, и рыцарь не посмел заговорить с ним так же грубо, как обычно говорил со всеми, кого считал ниже себя.

– Не сердитесь, святой отец! – с досадой воскликнул рыцарь. – Просто эти скоты нас обманывают.

– Они не обманывают вас, милорд! – спокойно возразил монах. – Взгляните, трава на поляне, куда они пригнали овец, общипана только с одного края, значит, они здесь едва ли более часа. А из низины ворот замка не видно.

– Возможно. Но, судя по всему, та или те, кого мы ищем, покинули замок как раз около часа назад. Зола в очаге в одной из верхних комнат была еще теплая.

Молодой священник улыбнулся:

– Значит, туда положили много дров, и дрова долго горели. Так обычно делают, когда хотят, чтобы над крышей был виден дым и окружающие думали, будто хозяева дома. А люди из замка уехали больше трех часов назад.

– С чего ты взял это, монах? – вновь теряя терпение, взвился рыцарь.

Улыбка монаха стала еще благодушнее:

– Чтобы вам было удобнее ко мне обращаться, милорд: меня зовут отец Антоний. Я – аббат[6 - Аббат – настоятель монастыря, т. е. аббатства.] обители Святого Доминика. Наш монастырь вон за тем пригорком, и все земли здесь наши, кроме долины, что примыкает к восточным стенам замка, – она все еще в собственности его владельцев. Что же до того, почему я так уверен в давнем отъезде владелицы, так это очень просто. Странно, что вы и сами не заметили.

– Не заметил чего?

Рыцарь вновь овладел собой, едва услыхав имя монаха. Он не раз и не два слышал о нем и знал, что с этим выскочкой, получившим во владение аббатство в возрасте, когда другие монахи не грезят о таком почете и в мечтах, связываться небезопасно. Аббата Антония жаловал здешний епископ и, как поговаривали, сам папа. Знать бы еще, за что?

– Посмотрите на землю, – столь же ровным голосом ответил на вопрос рыцаря аббат. – Нет-нет, не на ту, что у нас под ногами. На склоне рва, что под мостом. Видите: она совершенно сухая. Как раз там – место, где и травы нет, так что видно очень хорошо. А ведь сейчас моросит дождь. Уже стихает, но часа четыре он шел, он пошел, едва рассвело. Но если б мост три часа назад был поднят, то эта часть земли непременно бы вымокла. Или я не прав?

– Правы, святой отец! – вынужден был согласиться рыцарь. – А вы часом не знаете: в этот замок вчера или сегодня на рассвете кто-нибудь приезжал?

– Вчера и сегодня утром я был у себя в обители. Вот только сейчас отправился в долину. У старосты здешней деревни третий день тяжко хворает дочь. Я ее духовник и не смог отказать старосте в просьбе ее исповедать.

– К дочери виллана ходит сам аббат? – не удержался от ехидного сомнения всадник.

Улыбка пропала с лица отца Антония, но голос его, когда он отвечал, остался таким же ровным:

– Быть может, вы не расслышали, милорд: это моя духовная дочь. Но я хожу и не только к ней. Вся наша паства – здешние крестьяне. А у монахов в обители полно работы: у нас ведь есть свое стадо, несколько овец вчера окотились, надо, чтобы приплод не пропал. И на сыроварне довольно дел, да и других занятий хватает.

Этого аббата положительно нельзя было смутить неожиданным вопросом, однако его слова вызвали у рыцаря неожиданную мысль.

– А что, ведь хозяева этой развалины, – он пренебрежительно кивнул в сторону замка, – они ведь тоже ваши чада, святой отец?

– Конечно, – кивнул отец Антоний. – Во всяком случае, были ими. Уверен, вы знаете, что владелец замка граф Лестер два месяца назад был убит.

– Слышал об этом. Ну а его молодая женушка? Она ведь тоже наверняка вам исповедовалась? Не говорила ли, что собирается уехать отсюда? А может, сказала, куда поедет?

Неожиданно монах рассмеялся. Этот смех почему-то сделал его и без того жесткое лицо еще тверже, а голос вдруг зазвенел металлом:

– Послушайте, милорд рыцарь, неужто вы и вправду не понимаете, о чем сейчас спросили? Попросту предложили мне нарушить тайну исповеди. Вы что же, не христианин?

Аббат не видел лица всадника: шлем закрывал его до самого подбородка, но даже этот подбородок стал багрового цвета, чего не смогла скрыть не слишком густая борода. Руки в железных перчатках, сжавшись в кулаки, невольно натянули поводья, и конь рыцаря, заржав, едва не прянул на дыбы.

– А если я щедро заплачу за ваш ответ? – с трудом подавив гнев, вытолкнул всадник.

– Вряд ли вы так богаты. Кто же за какие угодно деньги отправит свою душу прямиком в ад? Здесь я могу, конечно, прожить долго, но после смерти-то буду жить вечно. А у кого же столько золота, чтобы оплатить вечность адских мук?

После этих слов рука рыцаря невольно скользнула к рукояти висевшего у его пояса меча. Но он вовремя опомнился. Будь этот строптивец не любимчик епископа и, возможно, папы, можно бы и не церемониться. Но с отцом Антонием связываться нельзя.

«Тем более что благосклонность старого индюка епископа может понадобиться и мне!» – с досадой подумал рыцарь.

– Ты много берешь на себя, монах! – бросил он, разворачивая коня, и махнул рукой своим спутникам: – Едем! Мы и так потеряли уйму времени. За мной!

Отряд исчез в дождевой пыли, и оба виллана дружно перекрестились.

– Кабы не вы, господин аббат, он бы убил нас! – воскликнул старый пастух. – Господи помилуй, кто ж это такой? Вы не знаете?

– Вероятно, знаю, – ответил монах, глядя не вслед уехавшим, а в печально-пустой проем старой арки. – Но тебе, Том, спокойнее будет этого не знать. Этот человек думает, что, если закрыть лицо до подбородка, становишься неузнаваем. Он ошибается.

– Сколько бед обрушилось на нас в последнее время, святой отец! – воскликнул Том с искренней болью. – Не иначе, мы чем-то сильно нагрешили. Уж как хорош был наш граф! Беден, чуть ли не как мы все, зато защищал нас, помогал. Зерном делился в неурожай, разбойников в нашем лесу вывел дочиста. Кто и за что мог его убить?

Отец Антоний ответил не сразу. От ворот замка он перевел задумчивый взгляд на овец, покинувших спасительные кусты и вновь лениво щипавших траву возле самого рва. Дождь кончился, и проглянувший меж тучами косой луч солнца сразу сделал менее мрачной полуразрушенную цитадель, а пасущиеся овцы добавили картине ощущение покоя. Казалось, семеро блистающих кольчугами и шлемами грозных всадников были просто ненадолго возникшим видением.

– Я слышал, – наконец заговорил аббат, – будто графу Экберту отомстили за его попытку стать королем.

– Так это правда? – ахнул на этот раз младший из пастухов. – Наш граф при всей его бедности задумывал подняться так высоко?

– Семь лет назад он не был еще настолько беден, – улыбнулся отец Антоний. – Том наверняка помнит, что земли у него было куда больше, а стало быть, и дохода. У него отобрали большую часть надела норманнские бароны именно из мести, потому что он пытался сделать невозможное – вернуть власть английскому королевскому роду. И граф имел на то право: он ведь был прямым потомком первого английского короля, которого тоже звали Экбертом. Да и

надежда его казалась не такой уж несбыточной: король Генрих, сын могучего Вильгельма, когда-то захватившего Англию, умер, не оставив сыновей, и долгие годы у нас царили смуты и войны.[7 - Объединение английских графств в единое государство осуществилось в 829 году. Королем стал граф Уэссекса Экберт. В течение двухсот с лишним лет страной правили короли англосаксы. Когда в 1066 году Англию захватили норманны, трон занял их предводитель Вильгельм, прозванный Вильгельмом Завоевателем. Его сын Генрих I, умерший в 1135 году, не имел сыновей, что вызвало длительные междоусобные войны и столкновения. Наконец враждующие пришли к соглашению, и в 1153 году наследником престола был признан Генрих Плантагенет, граф Анжуйский (1154–1189).] Надо было положить этому конец, вот и пришлось прибегнуть к древнему обычаю: созвать Уитегемот.[8 - Уитегемот – собрание родовой знати, решавшее в Англии периода раннего Средневековья важные государственные вопросы.] Многие из уцелевшей местной знати верили, что возможно возродить английский престол. Как же это было наивно! Конечно, избрали норманна, нашего нынешнего короля Генриха, и, сказать по совести, правит он справедливо. Но его вассалы не простили графу Лестеру отваги и гордости, с которыми тот заявил свои права на престол: за несколько лет они его совершенно разорили, по сути, сделали нищим.

– Но убивать-то было зачем? – упрямо не понимал старый пастух Том.

В глазах аббата мелькнуло сомнение, потом он усмехнулся:

– Этого вам тоже лучше не знать, братья. Только верьте моему слову: убили его вовсе не из-за того давнего дела. Прошло семь лет, и если бы норманнские бароны хотели, то за это время наверняка десять раз покончили бы с графом. После разорения ему ведь даже дружину свою пришлось распустить. Нет, или это и в самом деле был несчастный случай на охоте, или у лорда Экберта были и другие враги.

И добавил совсем тихо, так что крестьяне не могли его услышать:

– Скорее всего, мы их сейчас видели.

Глава 2. Встреча на дороге

Свинцово-синий горизонт перечертили одна за другой две молнии, и следом дважды грохотнул гром. Но прозвучал он уже не грозно, почти лениво, давая понять, что гроза уходит и его дело – просто дать ей отбой.

Однако дождь и не думал заканчиваться – напротив, стал крупнее и пошел чаще. Рытвины дороги переполнились, вода, желтая от перемешанной с песком глины, ручейками потекла к обочинам.

Возчику стало еще труднее: сверкавшие время от времени молнии по крайней мере освещали путь, а теперь его и вовсе не было видно – фонарь, коптивший на прибитой к передку телеги палке, давал света ровно столько, чтобы возчик мог рассматривать тощий зад своего мерина и его перепачканный в глине хвост. Да и сам мерин тянул слабо. Разбитая, набухшая водой дорога, в которой колеса телеги вязли все больше и больше, была ему не по силам. И только привычка служить своим хозяевам мешала ему (вот уже который год) мирно околеть от старости.

– Матушка! – возчик обернулся, ежась под толстым, грубого сукна плащом, с ворота которого ему за шиворот то и дело проливались холодящие струйки. – Матушка, мы сейчас увязнем! Темнеет прямо на глазах – вот-вот ночь, дороги уже не видно. А впереди – ни огонечка… Может, остановимся? Страсть как хочется залезть к тебе под парусину!

– Ты совсем потерял совесть, Тимоти! Не можем мы торчать ночью посреди дороги – нам надо отыскать жилье, чтобы позаботиться о бедной хозяйке и о детках.

При этих словах парусиновый полог откинулся, и из-под низкого навеса, натянутого на четыре половинки бочечных ободьев и прикрывающего сзади две трети телеги, высунулась женщина в простом, но опрятном чепце. Чепец обрамлял круглое лицо с мелкими чертами и ярким румянцем на полных щеках. Уж если на севере Англии у женщины лет сорока с лишним такой румянец, то здоровьем ее Бог не обделил. Ее сын, тот, что правил старым мерином, очень походил на мать. У этого двадцатилетнего парня лицо было как круглое спелое яблоко, да к тому же от глаз и до подбородка по нему рассыпалось великое множество веснушек.

Услыхав гневный ответ матери, Тимоти лишь уныло пожал плечами под мокрым сукном.

– Да хозяйке-то, матушка, уж ничего от нас не надобно… А деток ты и накормила, и укутала, как следует. Парусину я сам просмолил, весной еще, помнишь – когда дядюшка Майлс в нашей телеге сукно на ярмарку возил, дождь ее не промочит, хоть бы и до утра шел. Места под навесом и для меня хватит, глядишь, и дождались бы рассвета, а там уж…

Но женщина не пожелала дослушать до конца рассуждения сына.

– Ах ты, ленивый оболтус! – еще пуще разгневалась она. – Это, значит, бедной покойнице еще неизвестно, сколько лежать без отпевания, детишкам спать в холодной телеге, пускай даже и закутанным, чтоб только ты, разбойник эдакий, не промок да, не приведи Господь, не простудился?! А ты подумал своей рыжей головой, что если дождь будет идти до утра, то утром мы можем и вовсе не проехать по этой дороге? Мерин и так чуть жив, а еще и накормить его можно только соломой, на которой сижу я с детьми да лежит наша бедная хозяюшка. Ну-ка, слезай с передка, снимай фонарь да веди мерина под уздцы. И ему легче будет, и дорога станет тебе видна.

– Как скажешь! – уныло повиновался Тимоти, немного повозился с фонарем, и в следующую минуту деревянные подошвы его башмаков гулко шлепнули о дорожную грязь.

– Еще, туда ли мы едем? – через какое-то время вновь подал голос парень. – Вдруг дорога раздвоилась? В темноте можно было и не заметить.

– Да нет тут другой дороги! На много миль нету, ни вперед, ни назад, – уверенно возразила из-под навеса женщина. – Я ведь помню эту дорогу: еще мили[9 - Миля – мера длины (расстояния), принятая у различных народов с очень древних времен. Сохранялась в Европе до введения метрической системы, однако в Англии эта система так и не была введена. В различные годы и в разных странах длина мили колебалась от 0,56 км (Древний Египет) до 11,2 км (древняя чешская миля). В Англии миля равняется 1,6 км.] две, ну три, никак не больше, и мы доберемся до мельницы, она первая на пути к большому селу. Мельник, надо думать, меня вспомнит: года четыре назад мы с братцем Майлсом ночевали на мельнице, когда вместе ехали в Ноттингем, на ярмарку. Я тогда еще помогла

повитухе принимать пятого сыночка мельничихи. Дам пару монеток, так мельник и священника позовет – там хороший священник. И похороны устроим – уж я придумаю, что им рассказать: откуда, мол, женщина и отчего родила посреди дороги. Вряд ли стоит говорить правду чужим людям: может статься, нас уже ищут? Но дальше везти ее никак нельзя.

Последних слов матери парень уже почти не расслышал – их заглушили шум дождя и скрип тележных колес. К тому же Тимоти был занят теперь одной мыслью: как выбрать лучший путь между заполненными водой рытвинами. Слюдяные оконца фонаря совсем закоптились, а горевшая в нем сальная свеча грозила вот-вот потухнуть: и дождь, и поднявшийся ветер могли легко проникнуть под медную крышку.

Прошло, должно быть, около получаса, но путники были наверняка еще очень далеко от заветной мельницы, как вдруг позади них послышался отчетливый топот копыт и голоса, а вскоре телегу догнали двое всадников. Ехавший вторым держал в руке почти такой же фонарь, как тот, которым пытался освещать дорогу молодой возчик.

– Куда держишь путь, добрый человек? – окликнул один из них, обращаясь к Тимоти.

– В Ноттингем, – отозвался юноша, останавливая мерина и кланяясь, ибо даже в дождливой мгле сумел рассмотреть всадника и понял, что перед ним рыцарь. – То есть пока что нам надобно в селение, что под Ноттингемом, как же его?.. Мы хотим остановиться на мельнице.

– И я еду в Ноттингем, – всадник поправил капюшон плаща, с которого струями стекала вода, и лучше вгляделся в склонившегося перед ним парня. – Но и нам с моим слугой не помешало бы заночевать в тепле. Что там за село и что за мельница?

В этот момент мать Тимоти решила вмешаться в разговор. Она вновь высунулась из-под навеса и проговорила по-английски (ибо всадник обратился к ее сыну именно на этом языке), стараясь, однако, использовать норманнские обращения, чтобы путник, не дай Бог, не обиделся:

– Бог вам в помощь, мессир рыцарь! Не обессудьте, мой сын плохо знает эту дорогу, а вот я ее знаю. Селение называется Бенксли, оно в шестнадцати с половиной милях от Ноттингема, а мельница принадлежит вольному крестьянину[10 - В Англии конца XII века большая часть крестьян была в крепостной зависимости от баронов (сеньоров) либо от самого короля. Существовали различные степени крепостной зависимости. Однако был и определенный процент вольных крестьян, обязанных выплачивать сеньору дань, но не связанных с ним никакими более обязательствами.] по имени Кристиан Кей. Мы хотим попросить у него приюта, во-первых, потому что места в его доме достаточно, а во-вторых, нам нужна помощь: мы везем маленьких детишек и покойницу.

– Покойницу? – всадник перекрестился, и то же самое сделал его слуга, закутанный в такой же плащ с капюшоном. – Господи помилуй, да что же такое приключилось, что у вас в повозке оказалась покойница, да вдобавок еще и дети?

Женщина, в свою очередь, сотворила крестное знамение:

– Мы подобрали бедняжку по дороге, мессир. Куда шла и как оказалась на этой дороге одна, она так сказать и не сумела. Но была на сносях, вот и родила прямо в нашей телеге. Слава богу, мне удалось, как надо, принять роды, я-то в этом понимаю, хоть и не повитуха, а кормилица. Только вот, разрешившись от бремени, бедная женщина тут же и отправила свою душу к Господу. Хорошо еще, что моей младшенькой дочурке два годочка, я ее еще кормлю грудью, молока много, хоть на двоих, хоть на троих хватит! Только теперь вот мы со старшим сыном не знаем, что нам делать… Не каждый ведь день принимаешь роды посреди проезжей дороги!

В подтверждение пространного рассказа кормилицы из-под навеса почти тотчас послышался тихий писк.

– Вы сделали доброе дело! – рыцарь вновь отряхнул свой капюшон и плотнее надвинул его на голову. – И я хочу помочь вам. Женщина, как зовут тебя и твоего сына и откуда вы сами?

– Я Флориана Тайлер, – с готовностью отозвалась кормилица. – Сына зовут Тимоти Тайлер. Это первого моего мужа, Лоренса, сыночек, Лоренс давно уж

умер. А доченька от второго брака, я три года назад вышла за деревенского горшечника Квентина, он Лоренсу двоюродным братом был. Родила малышку Дженни, да через полгода и второго мужа схоронила – оспа у нас в тот год половину села извела…

– Вы вилланы? – прервал разъяснения Флорианы рыцарь.

– Нет, мессир, вольные крестьяне, живем в миле от Лестера. Да вот решили перебраться в Ноттингем: Тимоти неплохой кузнец, так отчего бы ему не вступить в гильдию и не стать подмастерьем какого-нибудь мастера? А там и сам мастером сделается. У нас родня в Ноттингеме, ну я и еду с сыном: может, поживу с ним, а может, вернусь назад – дом-то оставлен на старшую дочь и ее мужа, вдруг я им еще понадоблюсь?

– Смелая женщина! – одобрил рыцарь. – Не всякая крестьянка решится так вот отправиться в путь, да еще потом, возможно, в одиночку возвращаться. А что же вы впрягли в телегу такого старого и тощего конягу? Неужто у вольных крестьян не нашлось лошади получше?

– Были, были! – не растерялась Флориана. – Еще две лошади. Да одна месяц назад пала невесть от какой хвори, а вторую мы оставили зятю: лето на исходе, как же везти зерно на мельницу да на продажу? А этот мерин верно служит нам уже почти двадцать лет, и, уж поверьте, мессир, не издохнет, покуда не довезет нас куда надо – у него совесть есть!

– Всем бы таких слуг! – рассмеялся всадник. – Ладно, оценим столь глубокую верность и поможем ему. Карл! – он обернулся к своему спутнику. – Слезай-ка с седла да впряги свою лошадь в телегу. Ты ведь умеешь править? Знаю, что умеешь. А мерина Тимоти пускай просто ведет под уздцы. Если у мельника и впрямь много места, то мы с Карлом тоже там заночуем. Я хорошо заплачу и дам денег на отпевание и погребение несчастной женщины. Видно, с ней приключилась большая беда!

– Да пошлет вам Господь всяческих благ, мессир! – воскликнула, всплеснув руками, Флориана. – А то я уж и не знала, как быть: денег у нас не так много, считайте, только-только хватило бы на взнос в гильдию, а ведь и умершую без похорон не оставишь! Ох, простите меня, мессир рыцарь: кажется, дочурка проснулась. Сейчас и разревется, если я ее не успокою.

И с этими словами добрая кормилица нырнула под парусиновый навес.

Глава 3. На мельнице

Спустя какое-то время впереди показался тусклый свет, послышался мерный плеск воды, а затем в свете проступившей сквозь тучи луны обозначился силуэт мельницы. Ее нижний этаж был действительно много больше, чем обычно бывает, и Флориана Тайлер отлично знала почему: у мельника Теодора Кея, отца Кристиана, было в семье девять детей. Сам же Кристиан, когда кормилица его видела в последний раз, радовался рождению пятого сына и явно не собирался на этом останавливаться. Нижний этаж надстроили с правого и левого крыла еще лет сорок назад, а теперь Крис думал и о новой пристройке: у него были сплошь сестры и только один брат, ныне уже умерший, а вот ему придется жить с несколькими сыновьями, да те еще могут привести в дом жен.

На стук в невысокую тесаную дверь сперва отозвался только собачий лай, но затем простучали деревянные подошвы, и женский голос спросил:

– Кто там в такой час?

– Рыцарь Саймон Локсли из Ноттингема! – ответил путник. – Со мною слуга и еще двое… хм, пожалуй, пятеро путников, но двое из них занимают пока очень немного места. Дайте нам приют, добрые люди, и я вас щедро награжу.

– Имя рыцаря Локсли мне знакомо! – донесся из-за двери низкий голос мельника. – Отворяй, жена, отворяй!

Мельница Кристиана Кея была сложена из грубо отесанных плит известняка, переложенных дерном, и замешанной с песком глиной. Большая печь обеспечивала теплом весь нижний этаж. В ней же и готовили, возле нее же сушили травы, которые хозяйка и ее дети, как видно, умели собирать: густой запах разнотравья, цветов, кореньев наполнял просторную комнату, куда вошли, переступив порог, путники. Пучки растений были развешаны по всем стенам, на которых кроме них красовались пара хомутов, лук и колчан с тремя стрелами, длинный плащ и широкая куртка. Земляной пол оказался чисто выметен, хотя

местами на нем виднелись широкие белые мазки: начисто вымести слегка просыпавшуюся муку было не под силу даже самой аккуратной хозяйке. Деревянная лестница вела из нижнего помещения наверх, а два невысоких дверных проема – в соседние комнаты.

Всю мебель составляли сколоченный из струганых досок длинный стол, пять лавок одинаковой длины и ширины, большой ларь, увенчанный двумя стопками глиняных чашек, да приторoченная к стене низкая лежанка, покрытая травяным тюфяком и толстым суконным одеялом.

Белая с черным собака, только что ответившая на стук в дверь звонким лаем, деловито обнюхала рыцаря, первым переступившего порог, и ринулась встречать остальных, уже не проявляя никакой враждебности: раз хозяин впустил, значит, свои, но проверить все равно надо – таков порядок.

Крис Кей был сорокалетний здоровяк мощного сложения, скорее похожий на кузнеца, чем на мельника. Темноволосый, коротко стриженный, с такой же короткой бородой, с лицом, полным невозмутимого благодушия, он сразу производил впечатление крепости и надежности, как и его на славу сработанный дом. Мельничиха была на две головы ниже мужа, среднего роста, белокурая, полная и кругленькая, однако быстрая в движениях. Она встретила вошедших в чистейшем чепце и фартуке, с руками, чуть не по локоть вымазанными тестом, – перед появлением гостей хозяйка как раз собиралась печь хлеб, для чего старший сын, крепыш лет тринадцати, деловито раздувал в печи огонь и подкидывал туда хворост. Других детей в комнате не было, но их возня долетала из соседнего помещения – похоже, они из-за чего-то ссорились.

– Входите, добрые путники! – тем же сочным басом пригласил мельник гостей. – Если темнота и непогода застигли вас в дороге, то здесь вам найдется, где обсохнуть, обогреться и передохнуть. – Роби! – это относилось к возившемуся у печи мальчугану. – Помоги этому парню, – хозяин кивнул на Тимоти, – распрячь коня. А потом отведи лошадей в конюшню и задай им сена. Не извольте гневаться, сэр рыцарь: конюшня у нас маловата, и наша кобыла вот-вот разродится, так что обеих ваших лошадок придется ставить в одно стойло. Думаю, поместятся. А ты, жена, вытирай руки да собирай на стол.

– Спасибо, добрый человек! – искренне поблагодарил рыцарь Локсли. – Но прежде всего нужно куда-нибудь отнести тело умершей – грех оставлять ее в телеге, на улице.

– Покойницу придется спустить в чулан, – с некоторым смущением проговорил Крис. – В комнатах-то класть никак – здесь натоплено. А в чулане у меня чисто – я там зимой дрова держу, чтоб не украли, да мешки, да корзины всякие. Поставим рядком пару лавок, накроем рогожей, вот и будет ладно. Сейчас уж поздно идти за нашим священником, это почти три мили топать, а утром я поеду к нему и попрошу, чтоб позволил отвезти усопшую в храм, да там и отпеть.

Пока он говорил, в дом вошла Флориана, неся большую плоскую корзину, в которой едва заметно шевелился клетчатый сверток. Другой рукой женщина сжимала крохотную ладошку ковылявшей рядом с нею малышки. Девочка путалась в подоле полотняной рубашки, терла спросонья глазки и старалась прижаться к широкой материнской юбке. Сверток в корзине тихонько попискивал, и добрая женщина, глянув на мельничиху, проговорила:

– Помоги мне, Джуди. Тебя ведь так звать? Мне бы воды, чтобы помыть их с дороги, да куда-нибудь уйти и покормить…

Мельничиха без лишних слов наполнила теплой водой большой глиняный горшок и понесла в соседнюю комнату, откуда тотчас как горох высыпались мал мала меньше еще четверо ребятишек.

– Поиграйте пока здесь. Только чтоб не мешать взрослым!

Голос Джудит был не особенно суров, и мальчишки, оставив без внимания ее последние слова, тотчас затеяли шумную возню под столом, однако получили грозный окрик отца и тут уже поутихли.

– В той комнате еще моя дочка спит, – сказала хозяйка, оборачиваясь с порога. – Она младше твоей – едва год сравнялся. Не обращай на нее внимания, Флори, эта не проснется: уж если ее не будит тарарам всей оравы братишек, значит, сон крепче некуда. Там же, на лежанке, можно и уложить детишек.

Флориана подняла до сих пор опущенную голову, и в ее глазах неожиданно блеснули слезы:

– Спасибо, Джуди! Но если бы можно было…

– Что? – спросила мельничиха.

– Если бы и эту бедную женщину, их мать, ненадолго принести в дом, обмыть и переодеть! У меня есть платье, почти что новое. Я детей покормлю, уложу и сама все сделаю. И заплачу.

– Конечно, конечно! – засуетилась Джуди. – Как же иначе!

– Заплачу за все я, – проговорил рыцарь, поднимаясь с соседней лавки и высыпая на стол горсть серебра. – Эй, Тимоти, если ты управился с лошадьми, то пойди вместе с моим оруженосцем Карлом да принесите бедняжку в дом, а когда женщины ее приоденут, осторожно опустите тело в чулан.

Войдя в дом, Саймон Локсли снял свой промокший плащ, и стало видно, что он еще молодой мужчина лет тридцати пяти, высокий, ладно скроенный, с очень подвижным лицом, на котором всего выразительнее были глаза – карие, глубокие, со взглядом одновременно проницательным и открытым. При этом у рыцаря была светлая кожа, пепельные волосы, но черные брови и ресницы. Бороду он обычно брил, но после долгой дороги его лицо обрамляла узкая темная полоска отросшей щетины. Одежда Саймона тоже говорила о том, что он проделал долгий путь и был готов ко всяким неожиданностям такого пути: кольчуга, шлем, надетый поверх кожаной шапки и бармицы[11 - Бармица – кольчужный подшлемник, защищавший шею и подбородок воина.], длинный, до колен, гамбезон[12 - Гамбезон – верхняя одежда, обычно надеваемая поверх кольчуги (позднее – поверх рыцарской брони), реже – под кольчугу. Представлял собой длинный камзол без рукавов, сшитый из нескольких слоев плотной ткани и тщательно простеганный.], кольчужные чулки и сапоги из мягкой кожи. У пояса висел меч в ножнах.

Флориана вслед за мельничихой ушла в другую комнату, а Локсли присел на лавку и сосредоточил свое внимание на детях, все так же возившихся под столом, но уже не шумевших, – отца они явно привыкли слушаться.

В это время его оруженосец и рыжий Тимоти осторожно внесли в дом и уложили на ближайшую к двери лавку укутанное в рогожу тело. Молодой Тайлер, перекрестившись, развернул бедный покров, и перед рыцарем, мельником и его женой предстала сказочная красавица, как будто не мертвая, а глубоко уснувшая. Женщине было на вид никак не более восемнадцати. Ее чистая белая

кожа, нежные, совершенные черты полудетского личика, окруженного светлыми, будто облака, локонами, безупречная форма сложенных на груди рук – все говорило о благородном происхождении умершей, равно как и тонкое дорогое сукно ее платья, и золотые серьги, вдетые в маленькие уши.

Почти ничто в ее облике не напоминало о печальном конце, разве что бледность губ, чуть искривленных от боли. Ее красота завораживала, и казалось: достаточно было громко окликнуть, чтобы спящая пробудилась.

Джудит нагрела еще пару горшков воды, принесла несколько чистых кусков холста и старательно разложила их на лавке. Вскоре из соседней комнаты появилась кормилица и подошла к покойнице. Слезы, уже раньше выдавшие Флориану Тайлер, теперь ручьями потекли по ее щекам. Она ничего не могла поделать с ними, но при этом ловко и справно раздела и обмыла умершую, надела на нее чистое светлое платье, расчесала и заплела в косы ее длинные белокурые волосы.

Мужчины при этом отвернулись и отошли в другой конец комнаты, зато ребятишки, все пятеро, один за другим высовывались из-под стола, шептались и с любопытством глазели на происходящее, пока отец вновь не прикрикнул на них, сделав свой голос таким грозным, что разноцветные головенки, от совсем темной до почти белокурой, исчезли надолго.

Когда женщины завершили свое печальное занятие, Саймон Локсли знаком велел Карлу и Тимоти унести тело, а мельничиха позвала детей покинуть их убежище:

– Эй, сорванцы? Не голодные? Нет? Тогда ступайте спать, и чтоб мы вас не видели и не слышали, а если разбудите малышню и я услышу рев, каждого отстегаю хворостиной, не разбирая, кто больше виноват. Поняли? Марш!

После этого взрослые наконец сели за стол, сохраняя молчание, потому что говорить теперь никому ни о чем не хотелось. У Флорианы да и у ее сына глаза были красные, а рыцарь сделался таким суровым и печальным, что, и пожелай кто к нему обратиться, едва ли решился бы на это.

Джудит расставила глиняные миски и чашки и водрузила посреди стола горшок с тушеными овощами, а также плетенку, в которую сложила все, что осталось от

вчерашнего хлеба, – испечь новый она так и не успела. Еще мельничиха принесла кувшин нацеженного в погребе вина, от которого никто не отказался: путники устали и продрогли в дороге, а самим хозяевам вино требовалось для укрепления духа: их мельница всякое повидала, но новорожденных младенцев и умерших в дороге красавиц к ним привозили не каждый день…

– Что ж теперь будет с ребенком? – решился нарушить молчание Кристиан.

– С ребенком? – словно не поняв вопроса, растерянно откликнулась Флориана. – Ах, ну да… С собой заберу. Мы небогаты, но как-нибудь, с Божьей помощью, вырастим.

– Да я к тому… – мельник перекинулся взглядами с женой. – Мы с Джуди, может, взяли бы к себе малыша. У нас парней уже пятеро, шестая дочка, а где шестеро, там и седьмой может поместиться.

– И молока у меня много! – чуть покраснев, произнесла мельничиха. – Пускай будет семеро. Ведь мы и с Крисом хотели, чтобы шестой тоже был мальчик. А родилась девочка.

– Это я хотел! А то почему я все младший и младший?

С такими словами подкатился к столу и, взобравшись на лавку, оторвал кусок от краюхи каравая младший сынишка Кеев – четырехлетний Джони, необычайно крупный мальчишка, крепкий, весь в отца. Только волосы у него были светлые, как у матери.

– Ну-ка не хватай куски без разрешения! – разъярился Кристиан. – Ты что это тут творишь? Мать всех спрашивала, не хотите ли вы есть, и никто не сказал, что голодный. Хлеб – на место и выметайся отсюда! Тебе давно пора спать, разбойник!

– Я не разбойник! – обиделся бузотер. – Малыш Джони – хороший мальчик.

И он, соскользнув с лавки, попятился к двери, не расставшись, однако, со своей добычей и на всякий случай откусывая от краюшки едва ли не половину.

– Если вы и вправду хотите взять себе мальчика, – воскликнула Флориана, – то и не знаю, как вас благодарить! Молока у меня тоже много, но ведь как растить-то? Дженни еще совсем крошка. Я – вдова, старшим детям о себе заботиться надо. А у вас тут и хлеб не переводится, и люди вы добрые. Я бы…

Больше она ничего сказать не успела. Собака, уснувшая под лежанкой, вдруг выскочила оттуда и с тем же яростным лаем подкатилась к входной двери. Как оказалось, не зря. До сих пор из-за двери и из-за закрытых ставнями окошек доносился только шепот нескончаемого дождя, но теперь донеслись стук копыт, лязг железа, чьи-то голоса. И затем сильный удар заставил крепкую дверь вздрогнуть:

– Отворите!

Повелительный окрик, однако, не подвиг мельника Кристиана Кея сразу вскочить из-за стола. Он лишь отставил свою опустевшую миску и, вытирая руки о полы длинной рубахи, негромко отозвался:

– А кто там? Кому это я должен отворять в такой час?

– Тому, кто не намерен торчать под твоей дверью, деревенщина! – незваный гость мгновенно потерял терпение, если прежде оно у него и было. – Отворяй, тебе сказано!

– А я еще раз спрошу: кому и с какой стати? Я человек свободный.

В ответ послышалась самая отборная ругань. При этом нетерпеливый гость сразу обнаружил, кто он: если говорил он с мельником на очень скверном, но все же на английском языке, то бранился, причем весьма виртуозно, на французском. Можно было не сомневаться, что это человек знатный, не то он не прибегал бы к такому смешению языков.

– Отвори, мельник, если ты слуга короля, а не бунтовщик и изменник! Я – Годфри Глостер, первый помощник ноттингемского шерифа[13 - Шериф – в средневековой Англии государственный чиновник, подчинявшийся напрямую королю и осуществлявший контроль за соблюдением порядка на определенной территории.].

При этих словах Кристиан смущенно оглянулся на стоявшего рядом рыцаря.

– Я знаю сэра Годфри Глостера, – проговорил он. – Не то чтобы хорошо знаю, но видал его в Ноттингеме и много о нем слыхал. Он на королевской службе уже много лет и никогда не стал бы попусту ломиться в чужой дом. Может, и впрямь отворить ему?

– Ты узнал его голос? – спросил Локсли.

– Ну, голоса его я не помню, но…

– Так и не отворяй, пока я тебе не скажу!

Слова сэра Саймона прозвучали так резко и повелительно, что мельник против воли подчинился, даже не задавшись вопросом, почему рыцарь отдает такой приказ. Меж тем Локсли подошел к одному из двух маленьких окошек, расположенных высоко от пола и по случаю дождя плотно закрытых ставнями. В середине ставни было небольшое отверстие, сквозь которое Саймону удалось рассмотреть часть площадки перед мельницей, освещенную факелами приехавших.

– Если вы посланы шерифом, мессир, – крикнул рыцарь, – то отчего же приехали не со стороны Ноттингема, а с противоположной стороны?

Должно быть, его правильное французское произношение подсказало предводителю отряда, что к нему обращается отнюдь не простой крестьянин, и тот заговорил немного другим тоном:

– Мы колесим по округе уже немало времени и едва не сбились с пути среди этого дождя и темени. У меня приказ найти и доставить в Ноттингем женщину, совершившую кражу. Она обокрала сеньора, которому служила, – украла его драгоценности. Возле этой мельницы стоит телега с навесом, похожая на ту, в которой последний раз видели преступницу. Она беременна на последнем месяце, и к ее же благу было бы сдаться, вернуть украденное и отдать себя на милость королевского правосудия.

– Но в этом доме нет никого, кроме его хозяев и нас, четверых путников, нашедших здесь приют, – возразил сэр Саймон самым миролюбивым тоном, меж тем как его устремленный в узкое отверстие ставни взгляд становился все мрачнее и сосредоточеннее. – И никто из нас никоим образом не походит на беременную женщину.

Предводитель перебросился несколькими словами со своими всадниками, но разобрать этих слов никто не сумел. Потом последовал новый вопрос:

– А вы, мессир путник, кто такой будете, что тут делаете и отчего так боитесь впустить в дом королевскую стражу?

– Мое имя Саймон Локсли, я рыцарь из Ноттингема. Где я нахожусь и что делаю, я никому объяснять не должен, потому что мое право быть там, где я хочу и когда мне вздумается. Ну а открывать двери мельник не спешит, да и я ему не советую, потому что мы вправе усомниться и в ваших словах, и в ваших целях.

– Это почему?! – теперь в голосе приезжего прозвучала уже настоящая ярость, которую он почти не пытался скрыть.

– Потому что, насколько мне отсюда видно, – невозмутимо произнес рыцарь, – ваши люди одеты и вооружены не так, как стражники шерифа, а ваше лицо скрывает шлем. Впрочем, я не раз встречался с сэром Годфри Глостером, так что могу легко разрешить наши сомнения. Встаньте ближе к окошку, мессир, снимите шлем и осветите свое лицо факелом.

– Чтобы вы пустили мне в голову стрелу через эту дырку? – злобно отозвался предводитель отряда. – А что если на этой проклятой мельнице скрывается не только воровка, но и целая шайка разбойников?

– Шайка разбойников тут и точно скрывается, сэр! – пробасил из-за плеча рыцаря Кристиан. – Целых пятеро. Старшему – тринадцать, младшему – четыре. И еще одна сопливая разбойница сопит в люльке. Нету у нас никаких беременных воровок, Христом Богом в том клянусь!

– Дайте войти и убедиться в этом! – прогремел предводитель. – Именем короля!

Саймон Локсли тихонько усмехнулся и подмигнул мельнику, явно находившемуся в нерешительности:

– Наконец-то он вспомнил слова, с которых должен был бы начать! «Именем короля»…

– Сэр! – шепнул рыцарю Кристиан. – А может, это все же и впрямь помощник шерифа? И почем мы знаем, что та бедняжка, которая лежит сейчас в нашем чулане, действительно не была воровкой? Может, впустить этих людей и рассказать все, как оно есть? Они убедятся, что брать им здесь больше некого, да и уедут. Уж ребенок-то им никак не нужен.

– Боюсь, Крис, что нужен им именно он! – сурово отрезал Саймон.

В это время Флориана, с самого начала понявшая, что может произойти в следующие минуты, подбежала к рыцарю и, кинувшись перед ним на колени, зашептала:

– Ради Пресвятой Девы Марии, мессир! Умоляю, не впускайте его! Он убьет нас всех! Никакой это не помощник шерифа! Это…

– Что он не помощник шерифа, я знаю и так! – прервал женщину рыцарь.

– Но откуда?! – изумился мельник. – У него же вся башка закрыта шлемом. Вы что, так хорошо с ним знакомы?

– Знаком был неплохо! – вновь усмехнулся Саймон. – Но и не в этом дело. А в том, что Годфри Глостер был убит полгода назад во время усмирения городского бунта.

Мельник тихо присвистнул и, не говоря более ни слова, кинулся снимать со стены свой лук.

Меж тем за дверью тоже шептались, но шептались куда громче, и до напряженного слуха припавшей к дверям Джудит, а также и до самого рыцаря долетели тревожные слова:

– Будьте осторожны, мессир! Саймон Локсли – родственник ноттингемского шерифа. Лучше с ним не связываться. И уж тем более не драться.

Однако предводитель не внял этим словам:

– Мало мне сегодня епископского любимчика, так тут еще и угождай родственникам шерифа?! Отворяйте, мерзавцы, или я выломаю дверь и войду сам!

– Ах, вот как вы заговорили! – воскликнул Локсли. – Вы поняли, что я уличил вас во лжи, и решили перейти к угрозам? Да вы не Годфри Глостер и к страже шерифа не имеете никакого отношения. Как же вы посмели чего-то требовать от нас именем короля?! А не разбойники ли вы сами? Впрочем, мне сдается, мессир невидимка, что ваш голос я все же знаю. Предлагаю еще раз: снимите шлем, дайте увидеть ваше лицо и скажите, что вам нужно на самом деле. Тогда мы разойдемся миром. Или уезжайте подобру-поздорову туда, откуда приехали.

– Да как ты смеешь, собака, мне угрожать?! – завопил незнакомец, совершенно выходя из себя. – Ты двадцать раз пожалеешь, что оказался на моей дороге!

Теперь предводитель говорил по-французски, и понять его смогли только сэр Саймон и его оруженосец. Впрочем, смысл сказанного вполне дошел и до всех остальных.

– Кто и на чьей дороге оказался, рассудит Бог! – ответил рыцарь, тоже заговорив на совершенно чистом французском языке. – Если ты, мессир самозванец, слышал обо мне, а ты обо мне слышал, то знаешь, что ни в сражении, ни на турнирах я обычно не бываю побежденным. Если только я действительно узнал тебя по голосу, то, полагаю, нам доводилось встречаться на ристалище и ты вылетал из седла от удара моего копья. Охота тебе ввязаться в драку? Изволь. Я гость мельника Кея и не позволю кому бы то ни было ворваться в приютивший меня дом и угрожать его хозяевам. Ну, так как? Будешь ломать дверь?

Говоря это, Саймон обернулся. Флориана поднялась с колен, однако все так же стояла рядом с рыцарем, умоляюще заглядывая ему в глаза. За нею топтался Тимоти, воинственно вскинув к плечу топор, а оруженосец Карл наполовину вытянул меч из ножен.

– Я не сумел рассмотреть через отверстие в ставне, сколько их всего, – произнес Локсли. – Судя по стуку копыт, когда они подъезжали, получается шестеро или семеро. Нелегко придется. Карл, надеюсь, ты принес арбалет?

– Конечно, сир, вот он.

– Тогда заряди его и встань справа от двери. С левой стороны дверь на прицеле держит Крис.

Тут Саймон заметил, что возле стоявшего с натянутым луком Кристиана пристроился его старший сын, тот самый парнишка, что часом ранее старательно помогал матери, раздувая в печи огонь. В руках он держал толстую палку.

– Как тебя зовут? – рыцарь подмигнул мальчику.

– Роберт Кей, сэр. Я у отца первый, это потом будет моя мельница, значит, я тоже должен ее защищать. А кто эти люди? Разбойники?

– Скорее всего, не то они не ломились бы так нагло в чужой дом. Ты молодец, раз готов за него драться. Но пока сделай то, что я тебе скажу, так ты нам больше поможешь? Идет?

– Да, сэр.

Локсли удовлетворенно кивнул и сказал уже шепотом:

– В таком случае встань слева от меня, возле самой двери. И по моему сигналу откинь засов и раскрой дверь во всю ширину. Но только после того, как я скажу: «Давай!» Понял?

– Понял.

В это время из-за двери, за которой, по-видимому, совещались непрошеные гости, вновь послышался голос самозваного «помощника шерифа»:

– Послушайте, мессир Локсли, и ты, мельник: в конце концов, драка мне не нужна. Если женщина, которую я ищу, преступница, скрывшаяся от королевского правосудия, находится здесь, дайте мне ее увезти, и мы не сделаем вам ничего плохого.

– Никакой преступницы здесь нет, – спокойно ответил Саймон. – А вы, коль скоро разыскиваете беглянку, должны и в самом деле известить моего двоюродного брата, шерифа Ноттингема – мы находимся на его земле. Но вам никто не дает права вершить правосудие.

Ответом был новый заряд французской площадной брани, потом самозванец в последний раз попытался взять себя в руки:

– Все складно у вас выходит, брат шерифа! Но в таком случае, почему вы так не хотите нас впускать?

Саймон расхохотался:

– А если б к вам в дом поздним вечером стали ломиться неизвестные люди, как бы вы поступили?

– Открывай! – завопил незнакомец. – Или мы никого не оставим в живых!

– Решать тебе, мельник, – Локсли посмотрел на Кристиана. – Дом твой, и твоя семья здесь ни при чем.

– А вы при чем, сэр? – Кей пожал бы плечами, если б это было удобно сделать, натягивая лук. – Оно, конечно, нам такой поворот дела ни к чему, как, надо думать, и вам, да уж куда теперь деваться? Если этот злодей задумал черное дело, то всяко не захочет, чтобы кто-то смог потом об этом рассказать.

Таким образом, Саймон убедился, что Кристиан разделяет его уверенность в неизбежности схватки.

– Вы открываете или нет?! – заревел из-за двери предводитель.

– И не подумаем! – вместо рыцаря пробасил мельник. – Сдается нам почему-то, что никакие вы не исполнители королевского правосудия, а сущие разбойники! Завтра же, едва рассветет, я поеду в Ноттингем к шерифу и попрошу, чтоб он во всем этом разобрался. Шериф меня знает, я в этих местах – уважаемый человек. А нынче, если вам угодно, попробуйте сюда войти! Знаю, будь сейчас сухо, вы бы нам крышу подпалили, так вот, Господь послал дождь, чтобы это душегубство вам не удалось! Охота ломать двери – ломайте, я сам эту дверь ставил, легко вам ее не одолеть!

Незнакомец снова выругался, на сей раз для пущей убедительности по-английски и закричал своим людям:

– Видите вон то бревно! Сюда его, живо, и пускай у меня рога вырастут, если эти дубовые доски выдержат дольше, чем я сосчитаю до ста!

«Рога у тебя, похоже, уже растут! – подумал, усмехаясь про себя, Саймон. – Возможно, ты и сам еще этого не заметил. И как же приятно иметь дело с таким невыдержанным врагом! Я бы нипочем не стал объявлять, что собираюсь воспользоваться тараном, покуда он в первый раз не ударит. А ты, приятель, подарил нам лишнюю минуту, за что тебе большое спасибо!»

Вслух же рыцарь Локсли проговорил:

– Крис, полагаю, один удар твоя дверь выдержит?

– Да и все десять, сэр! – голос мельника выдал охватившее его негодование. – Только не хотелось бы, чтоб эти разбойники портили мою работу.

– Не успеют! – рыцарь подмигнул стоявшему наизготовку Роберту: – После первого же удара тарана сразу раскрывай дверь во всю ширину. – Карл и ты, Кристиан: стреляете в воинов, которые держат бревно, и сразу перезаряжаете лук и арбалет. А мы с Тимоти берем на себя тех, кто будет позади бревна. Хотел бы я, чтобы этот лже-Глостер был отважен и оказался сразу за тараном, но могу поспорить: он будет позади всех! Ну что? Все готовы?

В ответ каждый шепнул себе под нос «Да, сэр!», но Локсли и не сомневался в их ответе.

Несколькими мгновениями спустя за дверью раздалось громкое «Раз, два, три!» (еще и счет подсказали для удобства!), и толстые доски мощной двери задрожали от сильного удара. В тот же миг Роберт сдвинул засов и распахнул дверь с такой быстротой, что державшие таран четверо воинов едва не повалились друг на друга. Впрочем, двое из них все равно упали – одному стрела пронзила шею, другому, пробив кольчугу, вошла в грудь. Бревно, которое двое других таранщиков от неожиданности выпустили из рук, упало на поверженные тела, встав при этом почти вертикально, и в него вонзилась одна из стрел, которые, в свою очередь, выпустили в дверной проем нападавшие. Вторая задрожала в дверном косяке.

– Вперед! – крикнул Локсли.

Ударом ноги он повалил и бревно, и воина, пытавшегося его подхватить, а меч рыцаря, описав дугу, рассек еще одного нападавшего от плеча до пояса. Не помогла и добротная, французской работы кольчуга.

Рядом с лже-Глостером, который, как и предположил сэр Саймон, занимал «на поле боя» последнюю позицию, остались только двое воинов, к тому же с разряженными арбалетами: они явно слишком поспешили стрелять. Ко всему прочему, дождь кончился, в разрыве туч показалась почти полная луна, и нападавших стало видно не хуже, чем показавшихся в освещенном дверном проеме защитников мельницы.

– Назад! – завопил предводитель, сразу сообразив, что расклад поменялся и численное преимущество оказалось на стороне противника. – Назад и перезаряжайте арбалеты! Стреляйте в рыцаря, остальные без него недорого стоят!

– Как сказать! – возразил рыжий Тимоти и обухом топора оглушил последнего оставшегося в живых таранщика, который, встав на ноги, попытался пырнуть мечом Кристиана.

– Ну что же, мессир обманщик? – Локсли встал лицом к лицу с предводителем нападавших. – Если угодно, мы с вами могли бы решить дело, как принято между рыцарями, а не между разбойниками. Не хотите выйти со мною один на один, как, уверен, у нас с вами было на турнире? Только учтите: если ваши люди будут стрелять, мои ведь ответят.

– Стреляйте! – снова крикнул самозванец. – Стреляйте в него!

Арбалеты воинов были уже вновь заряжены, меж тем как перезарядить свой арбалет успел только оруженосец Карл, Кристиан все еще старательно возился со стрелой и тетивой, доказывая тем самым, что человеку, привыкшему молоть хлеб, не всегда удается скоро справиться с луком.

Карл, видя, как противники целятся в его господина, выстрелил. Но его стрела лишь скользнула по руке одного из воинов. И те, скорее всего, успели бы разрядить в Локсли свои арбалеты, но тут произошло то, чего никто не мог предположить: с пологой крыши нижнего этажа мельницы свалился и грохнулся на землю здоровенный мельничный жернов. Он упал на ребро, покатился, на ходу сшиб одного из арбалетчиков, затем налетел на второго и, упав, придавил его. Кони нападавших, которых те даже не удосужились привязать, шарахнулись прочь.

– Вперед! – вновь закричал сэр Саймон, мгновенно оценив полученное преимущество. – Вали этих разбойников, ребята! Ну-ка покажем им, как выдавать себя за королевскую стражу и грабить мирных селян!

Лже-Глостер, впрочем, оказался не менее расторопен. Сподвижников Локсли задержало упавшее в дверной проем бревно, и, покуда они перебирались через него и через тела двоих таранщиков, предводитель ударил мечом придавленного жерновом воина, затем бросился к своему коню, вскочил в седло и крикнул единственному из воинов, оставшемуся невредимым:

– Добей того, что в дверях!

Воин понял приказ и исполнил его беспрекословно: он застрелил не кого-то из защитников мельницы, а таранщика, сваленного ранее рыжим Тимоти: тот только-только начал было привставать с земли, как стрела собственного товарища угодила ему в затылок.

Прошло несколько мгновений, и предводитель вместе с метким стрелком исчез в размытом лунном мареве, а следом скрылась за тучами сама луна, и пространство перед мельницей осталось освещено лишь неровным рыжим прямоугольником, падавшим из распахнутой двери.

Глава 4.Где искать справедливости?

– Своих же кончил, зверюга ночной! – выдохнул мельник, ногой выпихнув бревно-таран из дверного проема и разглядывая опустевшее поле боя. – Вот ведь злодей! Вы не ранены, сэр рыцарь?

– Цел и невредим! – воскликнул Локсли, тоже взглянув по очереди на пятерых воинов лже-Глостера и убедившись, что все они мертвы. – Но хотел бы я знать, кто это так вовремя спихнул с крыши жернов? Правда, еще пару мгновений, и я бы сам под него попал. Эй, кто там такой меткий?

– Думается, я знаю, кто! – Кристиан подошел к рыцарю и, задрав голову, посмотрел на чернеющий в стене верхнего этажа проем. – Не с крыши этот жернов покатился, сэр, а вон, из верхней двери: я через нее обычно мешки с помолом на веревках спускаю. Это в хорошую погоду, а если дождик, как сегодня, таскаю по лестнице и потом через нижнюю комнату. Запасной жернов у меня всегда там и стоит, на площадке, возле дверцы. И однажды, месяца два назад, так вот уже падал, только в тот раз еще и раскололся пополам. И кому-то за это тогда здорово влетело. Жернов-то пришлось новый покупать, а это недешево! Эй, кому я сказал: покажись, разбойник!

– И вовсе не разбойник! Джони – хороший мальчик!

Вслед за этим возмущенным возгласом в верхнем дверном проеме показалась перепачканная мукой рожица, и младший сынишка мельника четырехлетний Джон Кей торжественно скатился на попке по соломенной крыше прямо в могучие объятия отца.

– Как же это такому карапузу удалось сдвинуть с места здоровенный жернов? – воскликнул, немного опомнившись, сэр Саймон. – Такое и взрослому было бы нелегко сделать.

– Так ведь этот буйволенок, когда вырастет, куда сильнее меня станет! – не без удовольствия отозвался Кристиан, подкидывая и ловя довольно завопившего сынишку. – Правда, жернов стоял возле самого проема. У верхней двери и засов тугой, так ведь открыл же, шальной мальчишка, ну а там поднатужился, да и

покатил каменюгу незваным гостям на угощение. Так, Джони?

– Но ведь это были плохие дяди! – не смущаясь, отозвался малыш. – Они же были разбойники, да? Значит, надо было их прогнать.

– Все верно, малыш! – подтвердил Локсли. – А вот теперь нам всем нужно решить, что делать дальше.

Спустя полчаса семья мельника и все его гости вновь сидели за столом, доедая свой ужин и с еще большей охотой попивая вино. Убедившись, что малыши, уложенные в соседней комнате на лежанку, мирно спят, ко всей компании присоединилась и Флориана.

Остальные дети, включая героя этого вечера, маленького богатыря Джони, тоже заснули. Со взрослыми остался только Роберт. Ко сну клонило и его, но он не мог себе позволить пропустить важный разговор: как же – второй мужчина в семье после отца!

– Как я понял, – осторожно нарушил общее молчание Кристиан Кей, – этот человек, что называл себя помощником шерифа, а поступал как обыкновенный душегуб, он, скорее всего, собирался убить ни в чем не повинную женщину, а вместе с нею и ее ребенка, так ведь? Грех такое и подумать, но по всему было похоже, что он это сделал бы, не помешай ему сэр Саймон.

– С вашей помощью, Крис, только с вашей помощью! – рыцарь улыбнулся и поднял свой стакан. – Не всегда встретишь в придорожном селении таких храбрых и сообразительных людей.

– Так, а что я? – мельник пожал могучими плечами. – Кто ж не сообразил бы, что ежели этот нелюдь замыслил грудного младенца убить, то никого, кто его злодейство увидит, он уж точно не помилует. Но ведь сперва-то я ему едва не поверил и не открыл. Не будь здесь вас, сэр рыцарь, они бы всю мою семью покрошили!

Локсли кивнул, при этом его лицо сделалось достаточно сумрачным.

– Сомнений нет, мы поступили правильно. Вопрос в том, как поступать дальше. Одно утешает: этот негодяй не вернется сюда с подкреплением.

– Думаете? – Кристиан Кей насупился. – А ну как?

– Исключено! – Локсли глотнул вина и усмехнулся. – Дело в том, что я узнал его голос, и он это понял. Думаю, не будет греха, если я скажу вам, кто этот человек. Его зовут Винсент Хедли, он младший брат его светлости графа Экберта Лестера, пару месяцев назад странным образом погибшего на охоте. Вскоре после того случая в Лондоне состоялся рыцарский турнир, я в нем участвовал и неплохо вышиб из седла сэра Винсента. Тогда же мне рассказали о гибели его брата и о том, как он мечтает получить титул и то немногое, что осталось от земель сэра Экберта. Однако мешало одно обстоятельство: граф-то был женат, и выяснилось, что его жена беременна.

При этих словах рыцарь пристально поглядел на Флориану Тайлер и продолжал:

– Так что, если бы графиня родила сына, то наследником титула оказался бы он, а Винсенту пришлось бы оставаться при своем. Впрочем, возможно, я и ошибся. Голос из-под шлема звучал глуховато. Вдруг это был вовсе не Хедли?

– Это был он! – твердо произнесла Флориана. – Я его голос из сотни узнала бы! Это он меня не знает, кто ж обращает внимание на слуг, а уж я-то его видела и слышала не один раз – он приезжал в замок. Я кормилица графини Эмилии Лестер, это ее тело лежит сейчас там, в чулане. Графа Лестера убили, наверное, брат и убил. А в день его похорон из замка украли все фамильные драгоценности, оставив миледи ни с чем. Когда сэру Винсенту донесли, что миледи беременна, он и задумал… Нас предупредили, что этот изверг обязательно захватит замок, Да и что ему стоило? Из слуг там остались только старик-конюх да служанка, а о том, что мы с сыном перебрались из деревни в замок, сэр Винсент, слава богу, не знал. Вот мы и убежали, да только леди Эмилия, бедняжка, не вынесла дороги. Никакая она не преступница! Как только у этого негодяя язык повернулся… Вы же мне верите?

Она тревожно глянула на рыцаря.

– Верю, верю, – сэр Саймон отчего-то сделался еще мрачнее. – Но только вряд ли то, что ты, добрая женщина, узнала голос злодея, да и то, что я его узнал,

примут как твердое доказательство его вины. Лицо-то скрывал шлем, да при таком освещении трудно было бы наверняка узнать даже человека с открытым лицом. Я это к тому, что мы не сможем на него пожаловаться и требовать правосудия. Подай мы в суд, сэр Винсент объявит, что он не был этой ночью на дороге в Ноттингем, что ему в голову не приходило разыскивать, а тем более убивать жену своего покойного брата, а про этих ночных негодяев он ничего не знает.

При этих словах Кристиан едва не поперхнулся куском лепешки, настолько возмутило его такое предположение.

– Но трупы-то! – закричал он, привставая с лавки. – Здесь же остались пятеро его людей. Что же, их никто не признает, никто не скажет, что это ребята из его дружины?!

– А кто признает? – вопросом на вопрос ответил Локсли. – Мы уже далеко от Лестера, в ваших местах едва ли кто-то видел прежде и самого доблестного рыцаря Винсента, а тем паче его воинов. Да и это не стало бы доказательством: мало ли вилланов, которых иные рыцари облачают в кольчуги и которые потом бегут от своих хозяев, прихватив с собой оружие, а после становятся разбойниками? В любом случае Хедли откажется от этих людей. А сказать мертвые ничего не могут, поэтому двоих уцелевших, но раненых он добил.

Некоторое время все молчали, жуя хлеб и прихлебывая вино.

– Другое дело, – вновь заговорил рыцарь, – что и мстить тебе, Кристиан, сэр Винсент не посмеет: это доказало бы его причастность к нынешнему разбою. Но все равно нужно опасаться: он может нанять каких-нибудь лихих людей – вдруг они твой дом подожгут, либо, не дай бог, нападут на твою семью, когда тебя дома не будет.

– А вот в этом я сомневаюсь, сэр! – усмехнулся Крис. – Нанять-то он здесь сможет только кого-то из местных, а меня во всей округе отлично знают. У моих сестер мужья с хорошими кулаками, да и дубиной, если что, помахать умеют, а надо, так и топором. У двоих сыновья взрослые, тоже не слабаки. И все знают: если моим жене с ребятней кто-то сделает что худое, тому мало не покажется. Опять же и шериф, ваш родственник, человек справедливый. Жалобу на нападение я подам обязательно, и, случись опять какой-нибудь разбой, он уж всю дружину

поднимет, а злодеев найдет.

– Это верно, – кивнул Саймон. – И все же будь пока настороже. Но остается самое главное: что делать с ребенком? Если Хедли – единственный близкий родственник сироты, то за его жизнь я не дам и дырявого пенса. Если объявить его наследником графа Лестера, в этом случае сэр Винсент получит право опеки, и малыш вскоре умрет от простуды или от чего-нибудь столь же естественного… Его нужно куда-то спрятать, чтобы он смог вырасти и после заявить о своих правах. Если это вообще будет возможно. Ведь он пока даже не крещен, нет свидетельства о крещении и никаких иных доказательств его происхождения. Ведь так, Флориана?

– Одно доказательство есть, – сказала кормилица и, сунув руку за край кожаного корсажа, достала маленький сверток. Вот это наш покойный граф хранил с детства. Потому что эти вещицы достались ему от его отца, а он привез их из Иерусалима, когда после Крестового похода возвратился. Поглядите.

В свертке, тонком льняном платке, еще сохранившем едва уловимый запах розового масла, оказался крохотный кожаный мешочек, а из мешочка на ладонь Саймона Локсли выпал кипарисовый крест размером около дюйма. По краям он был отделан тонкой серебряной каемкой и украшен пятью круглыми гранатами в середине и по всем четырем концам. Перевернув крестик, рыцарь прочитал вырезанную на обороте надпись: «Господи! Возврати верным Твоим Святую Землю!».

– Граф рассказывал, что его отец и еще десять рыцарей получили точно такие кресты от одного монаха, – произнесла кормилица. – Он с Крестовым походом шел к Иерусалиму, монах этот. И сделал десять нательных крестов для крестоносцев, которых король Луи Седьмой[14 - Луи (Людовик) Седьмой (1120–1180) – король Франции, один из предводителей Второго Крестового похода (1147–1149).] послал в разведку, чтобы найти тайные укрепления сарацин.

– Они что же, не носили крестиков? – не удержавшись, вмешался в разговор юный Роберт Кей. – Разве может христианин ходить без креста на груди?

– Само собою, не может, – улыбнулась мальчику Флориана. – Все эти рыцари были добрые христиане. А второй крест надели потому, что дело, на которое

послал их франкский король, было очень опасное. Монах сказал, что кресты вырезал из частицы того же дерева, из которого тысячу с лишним лет назад был сколочен Крест Господень.

– Неужто?! – ахнул Кристиан. – Да где же он взял его?

– Мне-то откуда знать? – пожала плечами женщина. – Я слыхала, что в старых монастырях нередко хранят такие святыни. Не моего ума дело. А что, тем десяти крестоносцам нужна была особая Божья помощь, так уж это так оно и оказалось!

Бедные рыцари попали в засаду, как видно, кто-то их предал. Семеро погибли, сражаясь, троих захватили в плен. И, как рассказывал нам господин граф, проклятые сарацины разожгли огромный костер, бросили туда тела погибших, а остальным сказали: «Киньте в огонь свои кресты, тогда будете жить! Примете нашу веру и станете с нами вместе воевать против христиан!» Один из тех рыцарей, видать, убоялся смерти – снял крестик и бросил в огонь. А двое говорят: «С Господом жили, с Господом и умрем!» Тогда эти изверги взяли их и кинули связанных в огонь. А сами на коней да ускакали. Но отец нашего графа сумел веревки на руках развязать и как-то из огня выбрался. И не только что сам выбрался – он друга своего тоже вытащил. Но тот так сильно обгорел, что почти сразу на руках его милости отдал Богу душу. А перед тем снял с себя крестик, который монах-то ему дал, и вложил товарищу прямо в руку: «Сохрани, – говорит, – пускай твоим детям достанется!» Вот граф и привез в Англию крестик своего друга, а когда женился, подарил его леди Эмилии, наказав надеть потом на своего первенца.

Сказав это, Флориана снова заплакала.

– А куда делся второй крест? – спросил рыцарь. – Тот, что остался у графа?

– Не знаю, – покачала головой женщина. – Может статься, его с ним и похоронили, я-то на похоронах не была.

– А этот крестик кто-нибудь еще видел?!

Кормилица всхлипнула и опять, уже в который раз, заставила себя успокоиться:

– Граф показывал его нашему аббату Антонию, тому, что два года назад возглавил аббатство святого Доминика. Господин аббат – человек честный, если нужно, он подтвердит…

– Само собою, – вздохнул Локсли. – Однако, коль скоро фамильные сокровища Лестеров кто-то украл… мы-то знаем кто, да ведь не докажем! Так вот, если они украдены, то как доказать, что среди похищенных драгоценностей не было и этого креста? То есть как доказать, что он сейчас принадлежит наследнику графа Лестера, а не грабителям-самозванцам?

Все собравшиеся за столом притихли. Действительно, положение представлялось мрачным. Раз уж брат покойного графа решился на такую череду гнусных преступлений, то что остановит его от дальнейших злодейств? А доказательств его вины никаких, равно как и никаких доказательств того, что у графа Лестера есть теперь полноправный наследник…

– Как бы там ни было, – после долгой паузы вновь заговорил сэр Саймон, допивая свое вино, – как бы там ни было, возможно, эта святая реликвия поможет когда-нибудь восстановить справедливость. Что до остального, то, наверное, лучше будет поговорить обо всем завтра. А пока я бы не прочь немного поспать.

Желание рыцаря разделяли и остальные участники затянувшегося ужина. Однако приключения, как оказалось, еще не закончились. Джуди едва успела собрать со стола миски и кружки, как из-за двери вновь донесся стук копыт.

– Будь я проклят! – взревел Кристиан, вскакивая. – Если этим ребятам не надоело испытывать судьбу!..

– Стой, Крис! – рыцарь схватил мельника за руку, ибо тот уже тянулся к своему луку. – Там только один всадник, и подъехал он не с той стороны, в которую убрались те двое. Лучше сперва узнать, кого нам на сей раз послала судьба.

– Эгей, добрые люди! – послышался в это время звучный молодой голос. – Во Имя Господа Нашего, отворите! Его же Именем клянусь, что я без оружия и намерения у меня самые благие.

Локсли переглянулся с остальными и, когда его оруженосец Карл на всякий случай взял дверь под прицел арбалета, махнул рукой Роберту:

– Отвори!

Дверь распахнулась, и перед обитателями мельницы явился всадник в черной сутане и широком плаще. Капюшон плаща был отброшен, открывая худое обветренное лицо, обрамленное густыми, коротко остриженными волосами.

– Монах? – изумленно воскликнул мельник. – Откуда здесь среди ночи взяться монаху?

– Силы небесные! – ахнула между тем Флориана. – Отец Антоний!

– Рад, что ты и твой сын невредимы, – ответил, легко соскакивая с седла, аббат монастыря святого Доминика. – Я отправился следом за вами, чтобы предупредить об опасности, да вижу – опоздал.

Он обвел движением руки площадку перед мельницей. Раскиданные кругом стрелы и пять мертвых тел, сложенных в стороне под навесом, прикрытых кусками мешковины, яснее ясного говорили о происшедшей здесь битве.

– Господь не допустил, чтобы эти нехристи добились своего! – воскликнула кормилица, подбегая к священнику и низко перед ним склоняясь. – Вот только миледи мы спасти не сумели.

И она в двух словах рассказала аббату обо всем, что случилось в этот вечер на дороге в Ноттингем и на мельнице Кристиана Кея.

– Ну что же, – проговорил, выслушав Флориану, отец Антоний. – Значит, по крайней мере я все же не окажусь здесь лишним. Жаль, что не был с вами рядом, когда вы все так доблестно защищали свою «крепость», тем более я тоже смог бы потом подтвердить, кто именно покушался на жизнь невинных младенцев, – я-то узнаю Винсента Хедли в любой одежде, и в шлеме, и без него. Но Господь управил по-иному… Значит, Он привел меня сюда не сражаться, а исполнить свои прямые обязанности – отпеть и окрестить.

– Ну это, надо думать, утром, святой отец! – почтительно произнес мельник. – Детишки-то уж спят, да и вам бы не грех отдохнуть с дороги. И поесть.

– Я не голоден, – возразил аббат. – Чашка воды и кусочек лепешки вполне восстановят мои силы. А вот поспать и вправду было бы неплохо.

Никто не стал возражать. Вскоре все улеглись по лежанкам в большой и в двух меньших комнатах. Однако Кристиан, понимая, что после такого бурного вечера возможна и не менее бурная ночь, велел старшему сыну Роберту оставаться на карауле. Мальчик, гордый отцовским доверием, всю ночь не сомкнул глаз, дежуря подле двери и для пользы дела занимаясь починкой старых мешков.

Около полуночи до его напряженного слуха донесся шепот из соседней комнаты. Шептались две женщины, и одна из них была мать юного Роби, второй, конечно, могла быть только Флориана.

– А отчего ты не сказала им? – шепнула Джуди.

– Сразу как-то не подумала, а когда все началось, побоялась… Подумала, если вдруг эти душегубы сюда ворвутся, то, может, я успею хотя бы…

Дальше слов было не разобрать, слышен стал лишь ответ Джуди:

– А потом что же не сказала?

– Да не решилась отчего-то. Сама не знаю почему. Все ждала – вдруг злодеи вернутся? Утром все сами увидят. Ведь вот и ты только сейчас заметила.

Потом шепот сделался совсем тихим и вскоре умолк. Роберта недолго занимал вопрос, о чем таком секретничали его мать и кормилица. Он был занят делом, да и прислушивался больше не к тому, что делалось в доме, а к каждому звуку, долетавшему с улицы.

Но, вопреки опасениям мельника, ночь прошла спокойно. Злодеи, так дерзко напавшие на дом Кристиана Кея, не вернулись.

Часть первая

Шервудский лес

Глава 1. Слава разбойника

– Вперед! И гореть мне в аду, если мы не успеем помешать этим негодяям!

С такими словами шериф Ноттингема сэр Эдвин Веллендер развернул коня и помчался впереди своей дружины по направлению к облаку пыли, окутавшему дорогу.

Дружина сэра Эдвина состояла в этот раз из двадцати воинов в боевом облачении. На всех были кольчуги добротной лондонской работы, длинные, до колен, гамбезоны и островерхие шлемы, признанные самыми удобными со времен норманнского завоевания. Такой же защищал и голову самого шерифа, с той лишь разницей, что на нем имелся еще выступ, прикрывающий часть лба и нос. Однако вместо суконного стеганого колпака с отверстием для лица под шлемом сэра Эдвина была настоящая бармица, а его ноги прикрывали кольчужные чулки. Щит у него был такой же, как у дружинников, небольшой, продолговатый, суженный книзу. Впрочем, щиты, как и арбалеты, висели у всех, прицепленные к седлам, в них пока не было надобности. Во время бешеной скачки ни закрываться щитом, заслоняя себе дорогу, ни тем более стрелять, на ходу заряжая арбалет, было бы совершенно бессмысленно.

Скакать им пришлось по достаточно крутому склону, да еще между зарослями кустарника, минуя многочисленные кочки и стараясь не натыкаться на кротовые норы, которых здесь тоже было великое множество. Однако шериф стремился к своей цели, будто не замечая этих препятствий, и ему, как всякому смельчаку, везло: все сорок всадников миновали опасный спуск без помехи.

А там, куда они так спешили, их помощь была действительно очень нужна: группа всадников в воинских доспехах уже понесла большие потери – шестеро воинов валялись в пыли, убитые или тяжело раненные, а оставшиеся семеро отчаянно отбивались от двадцати с лишним нападавших. Нападавшие были одеты по-разному, но в основном на них красовались охотничьи кожаные рубахи, грубые суконные либо овечьи плащи и самые разнообразные шапки – от простых

чепцов и колпаков, какие носят земледельцы, до добротных железных шлемов. Все это обличало в них разбойников, и не просто разбойников, но тех самых неуловимых лесных грабителей, за которыми ноттингемский шериф упорно и безуспешно охотился вот уже шестой год. Многие в Ноттингеме посмеивались, говоря, что, будь на то воля сэра Эдвина, он выжег бы огромный Шервудский лес дотла, лишь бы избавиться от проклятия здешних мест, отчаянной банды Робина Гуда.

На самом деле такое решение вопроса никогда не приходило в голову шерифу, даже если бы он и мог надеяться получить на это разрешение. Лес был одним из немногих владений города, его щедрые дары не раз и не два спасали Ноттингем в голодные годы, когда не хватало урожая на окрестных полях, и тогда горожан кормили охота, сбор меда и ловля рыбы, а неиссякаемые запасы хвороста поддерживали тепло в их домах.

Но Робин Гуд с его лихими разбойниками был настоящим проклятием леса. Почти все путники, будь то купцы, везущие шерсть из Йоркшира[15 - Йоркшир и Линкольншир были основными районами средневековой Англии, где разводили овец. Однако производство сукна там не было развито, и шерсть продавали на юг Англии, а главным образом во Фландрию, где производилось высококачественное сукно, которое, в свою очередь, везли для продажи на север Англии и в другие государства Европы.], либо торговцы из Лондона, Дувра, Бостона, направлявшиеся на север, чтобы предложить там всяческие ремесленные изделия, монахи, собирающие милостыню для своих монастырей, – все они, как правило, должны были проехать по одной из дорог, пересекающих этот лес. В противном случае им пришлось бы ехать слишком длинным путем, да еще и миновать не одно и не два владения сеньоров, которые взимали дань с проезжающих, не разбирая, торговцы ли это, или лица духовного звания. Но краткость пути могла стоить проезжающим гораздо дороже: то и дело купцов, монахов, всех более или менее состоятельных путников останавливали разбойники Робина и обирали до нитки. Охрану, если таковая была, обычно убивали, а с владельцами отнятого имущества поступали в зависимости от прихоти предводителя шайки. Иной раз благодушно настроенный Робин отпускал ограбленных восвояси, порой даже оставлял им лошадь да немного медяков на обратный путь, но обычно тех, за кого можно было взять выкуп, держали в плену не один долгий месяц. Гонцы, которых разбойник посылал к родственникам пленных, чаще всего были не из его братии – для этого ловкий разбойник нанимал жадных до денег горожан и делился с ними полученным доходом. Те же, кто не хотел платить выкуп, или им нечего было уплатить, обычно погибали – чаще всего их даже не убивали, но отпускали в лесной глуши

на все четыре стороны, без лошади, без оружия, без еды. И редко кому удавалось выйти на дорогу и добраться до жилья: Шервудский лес был богат зверьем – волки, рыси, медведи, кабаны водились здесь повсюду, радуя охотников и пугая живший окрест бедный люд.

Сэру Эдвину все это было хорошо известно. Он стал шерифом семь лет назад, будучи еще совсем молодым, ему едва сравнялось двадцать шесть. Но до того он девять лет служил воином в дружине прежнего шерифа и в последние три года стал его помощником. А разбойников в Шервудском лесу, да и в других обширных окрестностях Ноттингема, хватало всегда, только вот таких ловких и наглых, как этот Робин Гуд, до сих пор не находилось.

Не раз и не два приходилось сэру Эдвину слышать, что о Робине ходят настоящие легенды, что многие в народе называют его защитником слабых и угнетенных, карающим тех, кто притесняет бедняков. И в самом деле – нередко Гуд делился награбленным с вилланами, даже с городской чернью. Шериф каждый раз дотошно выяснял, кому именно достаются эти разбойничьи благодеяния, и убеждался: как правило, Робин благодетельствует родственникам тех, кто уходил в его шайку, либо крестьянам, которые так или иначе постоянно ему помогали. Он получал от них хлеб и вино (благо дичи в лесу хватало), через них покупал в городе одежду, посуду, всякие необходимые мелочи. Порой, правда, его милость распространялась и на тех, кто не имел отношения к разбойникам, однако это делалось, судя по всему, ради пущей славы: после каждого проявления щедрости о Робине говорили еще больше и еще громче, а в последнее время даже стали слагать баллады…

Из баллад выходило, будто вся шайка жила где-то в глубине Шервудского леса, в большой пещере. Сэр Эдвин полагал, что такие слухи Робин распространяет нарочно: ищи, мол, шериф, пещеру! Как найдешь, тут меня и поймаешь. На дурака напал, что ли? Не было никакой пещеры. То есть пещер-то в горном отроге, что вторгался в лес с севера, можно насчитать не один десяток, да и в других местах, например меж оврагов южной оконечности Шервуда, гроты и пещеры не редкость. Однако, во-первых, среди них едва ли нашлась бы такая, что сразу вместила б шайку в несколько десятков человек, а во-вторых, и это было главное: не жил Робин Гуд подолгу на одном месте, никогда не жил, и в этом была основная причина его неуловимости. Он менял свои стоянки примерно раз в месяц, а когда нужно, то и чаще, и попытки проследить за его передвижениями в громадном лесу ни к чему обычно не приводили.

Впрочем, несколько раз, после самых дерзких набегов и ограблений, шериф настигал шайку, даже пару раз окружал ее. И тогда с десяток разбойников погибали в схватке, но сам Робин неизменно уходил, зная лес, как свою ладонь, и всегда заранее просчитывая путь отхода. Несколько раз кого-то из шайки Гуда брали в плен, однако узнать от пленных ничего не удавалось: только ближайшие сподвижники Робина знали, куда он направит свой путь, где он намерен скрыться. А скрывался он, видимо, в самых разных местах – бывало, что вести о его бесчинствах доходили из соседних графств. Конечно, это могла быть и совсем другая шайка, но молва всегда видела в таких разбоях «руку Робина».

Иной раз, когда разбойникам приходилось побросать все свое добро, даже, бывало, оставить лошадей и часть оружия, они восполняли потери, являясь как гром среди ясного неба, в какую-либо из деревень. Выбирали обычно деревню не из бедных, и вот тут уж можно было не сомневаться: здесь о Робине баллад не сложат. Потому что разбойники, не стесняясь, брали у вилланов все, что им требовалось, несколько дней подряд ели, пили и отдыхали, забирали скот, нужный им домашний скарб, а порой быков и лошадей, чем приводили крестьян в отчаяние. Робин всегда обещал, что щедро вознаградит «гостеприимную» деревню, но награда следовала опять же лишь в том случае, если из этой деревни с разбойниками уходили в лес несколько молодых парней, возмещая боевые потери.

Как-то возмущенные вилланы донесли шерифу о том, что в их деревне обосновался легендарный разбойник. Но сэр Эдвин не поспел туда: кто-то успел предупредить Гуда, и шайка исчезла, а деревня «обидчиков» к приезду шерифа сгорела дотла – люди только чудом не погибли в этом пожаре.

И, несмотря на все это, в большинстве мест Робина сопровождала добрая слава, что, само собой, мешало его искать.

Особенно в последние без малого два года, когда жизнь английских селян сделалась из рук вон скверной. Все они (как в большинстве своем и их сеньоры) два года ждали возвращения из Третьего Крестового похода своего короля, короля Ричарда, прозванного за отвагу и великодушие Львиным Сердцем.

Радостная весть опередила возвращение крестоносцев. Не успели в гаванях Дувра и других прибрежных городов пристать первые корабли, как по улицам уже скакали глашатаи и возвещали: великий воин Ричард разбил во многих сражениях предводителя мусульман султана Саладина, и хотя у воинов Креста

не хватило сил захватить и удержать Иерусалим, но султан вынужден был заключить с ними мирный договор, согласно которому часть Святой земли осталась за мусульманами, но христианские паломники могли отныне без помехи и без страха посещать Святой город и молиться у Гроба Господня[16 - На самом деле Ричард Львиное Сердце привел свою армию почти к самым стенам Святого города и мог бы захватить его, однако в армии крестоносцев начались разногласия, причиной которых стали амбиции большинства их вождей и их великая зависть к славе и подвигам английского короля. Ричард понял, что, взяв Иерусалим, не удержит его, не захотел попусту губить своих воинов и принял предложенное Саладином мировое соглашение.].

Жители Англии ликовали и славили своего короля, с почестями встречали его храбрых рыцарей, но сам король все не возвращался и не возвращался. Полетели слухи о том, что в пути с Ричардом стряслась беда: буря разбила его корабль. Народ не верил в гибель великого государя, о нем молились еще усерднее, ждали его с еще большей надеждой. Но его не было. И вот уже разнеслась весть скорбная и отчаянная: Ричард погиб!

Во время долгого отсутствия короля власть по закону перешла к его младшему брату, принцу Джону, однако тот был жесток и неумен, а потому Львиное Сердце поручил правление своей мудрой и бесстрашной матери, королеве Элеоноре. Джон боялся ее, равно как и своего великого брата. По этой причине он до поры не вмешивался в дела управления страной, исключая тех месяцев, когда в Англии не было и леди Элеоноры: она ездила к сыну в лагерь под палестинской крепостью Сен-Жан-д?Акрой[17 - Арабское название, сохранившееся до сего дня – Акра.], чтобы привезти Ричарду его юную невесту леди Беренгарию и отпраздновать их свадьбу.

Однако, когда стало очевидно, что король, скорее всего, не вернется вовсе, принц осмелел и стал все чаще и чаще заявлять свои права на корону. Могучая воля леди Элеоноры до поры удерживала его от самого решительного шага: поездки к папе римскому и прошения о коронации, однако он принялся писать указы и принимать законы, начал всячески притеснять графов и баронов, требуя новой непомерной дани в казну. После этого сеньоры, у которых были многочисленные дружины, эту дань перестали платить вовсе. Но самые жестокие поборы принц наложил на крестьян, и на вилланов, и на свободных, увеличив дань казне вдвое. Из-за этого в нескольких графствах, особенно северных, где крестьяне и так едва-едва тянули лямку оброка, начались бунты. Крестьян поддержали и некоторые бароны – среди них было немало таких, кому

платить было нечем, как и их вилланам…

Среди этого полубезвластия, всеобщего смятения, разгула слухов и смуты разбойник Робин Гуд стал поистине народным героем. Тут же была сложена еще одна баллада, в которой пелось, что бесстрашный мститель сражается во славу короля Ричарда, против тех, кто повинен в его гибели. А грабительские набеги шайки Робина были объявлены войной против предавших своего государя вассалов.

Воистину что-что, а воображение у народа иногда работает куда круче, чем у сеньоров. Эти грызлись между собой из-за наделов, дани, наследования титулов… Нет, чтоб кому-то из них объявить: я, мол, за Ричарда, а кто против меня, тот и против короля! Ведь небось тоже героем назвали бы. Хотя Робин Гуд едва ли сам приписал себе верноподданническое рвение, это уж трубадуры постарались.

Глава 2. Его преосвященство

Утром того дня, когда дружине шерифа пришлось поспешить на помощь неизвестным путникам на одной из лесных дорог, Эдвин Веллендер получил известие: Робин вновь решил отсидеться в одной из примыкающих к лесу деревень. Ехать надо было не медля, и шериф сорвал дружину в поход, не дав своим людям позавтракать. Он и сам ограничился кружкой воды, понимая, как трудно поспеть за неуловимым разбойником.

И вот тебе: они не проехали и половины пути, как Робин (во всяком случае, кто-то из его шайки) обнаружился прямо посреди дороги и, что называется, «в деле».

– Скорее! – на всем скаку сэр Эдвин обнажил меч и с ходу врезался в гущу драки.

Его дружина насчитывала сорок человек, но в такие вылазки он не брал больше двадцати воинов. Да, шайка Робина куда многочисленнее, но сражаться в ней умеют всего несколько человек, остальные, выходцы из скотоводов и пахарей, годны только для устрашения – куда им противостоять настоящим бойцам. А в

этот раз и разбойников казалось меньше, чем обычно: восемерых из них уложили те, кого они собирались ограбить, осталось не более десятка.

Нанося первый удар, шериф почувствовал, что сталь его меча встретила сильное сопротивление. Конечно, меч рассек преграду и вошел в плоть, но откуда у разбойника такая кольчуга? Точно и не в здешних краях сработана – французская, наверное, а то и фламандская. Ничего себе!

Схватка длилась недолго. Из дружины шерифа только двое оказались серьезно ранены, зато разбойников полегло семеро, остальные же обратились в поспешное бегство, не дав себя окружить, и с изрядной прытью скрылись в лесу. Сэр Эдвин с одного взгляда понял, что пускаться в погоню бессмысленно и опасно: среди чащи леса этих вертких молодцов не переловишь, а получить стрелу в спину ничего не стоит. Нет, если это была вылазка разбойников, то нужно постараться побыстрее доехать до деревни, о которой шерифу сообщили утром, – может быть, на этот раз Робин не успеет ускользнуть: через лес-то его головорезы поскачут куда медленнее, чем воины сэра Эдвина по дороге, а значит, возможно, и не успеют предупредить предводителя.

Однако вначале следовало оказать помощь людям, которые явно сильно пострадали от нападения.

– Я ноттингемский шериф! – крикнул сэр Эдвин, обращаясь к высокому человеку в широком плаще, в котором сразу определил предводителя путников. – Кто вы такие?

И услышал достаточно неожиданный ответ.

– Я епископ Уорвикширский.[18 - Уорвикшир – одно из графств, соседствовавших с Ноттингемширом. Находилось немного южнее его.] Эти люди, – взмахом руки человек указал на окруживших его всадников, – то, что осталось от моей свиты. Благодарю, сэр шериф, что по Божьей милости вы оказали нам помощь, мы могли сами и не справиться.

– Похоже на то, ваше преосвященство! – Веллендер постарался скрыть свое удивление. – У вас большие потери. Но простите мне два вопроса. Первый я обязан вам задать, как всякому, кто путешествует через владения, доверенные мне королем: что заставило вас пуститься в далекий и небезопасный путь и куда

вы едете? На второй, если не хотите, не отвечайте, но я все же спрошу: неужто вы не знали, что в Шервудском лесу бесчинствует разбойник Робин Гуд?

Епископ рассмеялся:

– Получается три вопроса. Но я отвечу на все. Только сперва исполню свой долг.

С этими словами он соскочил с седла и по очереди осмотрел шестерых своих воинов, лежавших неподвижно на забрызганной кровью дороге. Над каждым он совершил крестное знамение, каждому закрыл глаза. Потом вновь сел на коня и обернулся к оставшимся своим спутникам:

– Им теперь нужны только молитвы. Двое из вас поедут в ближайшее село и попросят телегу и быка[19 - В описываемое время быки были в Европе самым распространенным гужевым скотом. Их запрягали в телеги, а для этого подковывали наряду с лошадьми.], чтобы отвезти убитых в храм, отпеть и предать погребению. Кроме того, наймите кого-нибудь, чтобы закопали и трупы нападавших. Отпеванию они не подлежат, но и оставить тела без погребения не по-христиански. Вот, возьмите мой кошелек, в нем еще достаточно денег. А теперь я готов вам отвечать, сэр шериф. Совершить путешествие мне пришлось ради помощи человеку, который в этом остро нуждается и которому я не только хочу, но и обязан помочь как христианин. Еду я в Бостон, и эта дорога, как вы понимаете, кратчайшая. А про Робина Гуда я знаю достаточно, не могу не знать – про него вся Англия знает, да, думаю, и не одна Англия. Но только отчего вы решили, сэр, что эти напавшие на нас люди – разбойники Робина Гуда?

Говоря так, епископ откинул капюшон своего плаща, и обнаружилось, что поверх сутаны он предусмотрительно надел кольчугу. Что было естественно, коль скоро его преосвященство рискнул отправиться в опасный путь со сравнительно небольшой охраной, поэтому шериф почти не обратил на это внимания. Но лицо епископа Уорвикширского не могло не остановить на себе взгляда.

Его преосвященство был немолод – скорее всего, где-то под шестьдесят. Однако выражение этого лица, худого, резкого, одновременно аскетического и удивительно живого, взгляд острых светлых глаз, твердость губ – все это являло колоссальную волю и ясный, смелый ум. Высокий лоб священника пересекали глубокие складки, стрелы морщин расходились и от его глаз, но сэру Эдвину все равно показалось, что епископ молод, столько жизни и энергии было во всем его

облике. А об его отваге красноречиво свидетельствовали торчащие из-под плаща пустые ножны. Меч епископ положил поперек седла – его нельзя было вложить обратно, не стерев с него крови. (Впрочем, это тоже не вызвало удивления шерифа: в неспокойные времена монахи сами обороняли свои обители, значит, умели сражаться.)

– Вы спрашиваете, – наконец до сэра Эдвина дошел смысл слов его преосвященства, – почему я посчитал этих людей разбойниками? Да кто же еще мог напасть на путников в этом лесу?

– И в самом деле? – неожиданно епископ рассмеялся. – Только вот откуда у разбойников, заметьте, у всех без исключения, отменные стальные кольчуги? Поглядите-ка на мертвецов!

С этими словами он нагнулся с седла и концом своего меча поддел край охотничьей рубахи одного из убитых. Под ней обнаружилось стальное плетение колец. У другого покойника – то же самое. Ничего себе…

– А еще, – спокойно добавил епископ, – обратите внимание на стрелы, которыми они нас осыпали из зарослей и сразу уложили четверых моих людей. Вон, видите, торчит из груди моего слуги? Стрела-то арбалетная. И остальные тоже. Что же, разбойники изменили своим лукам и вооружились на новый лад? Только мне всегда казалось, что в лесу лук удобнее: дальнобойность арбалета среди чащи ни к чему, а прицельно стрелять из него нужно еще научиться.

– Неужели же Робин ограбил обоз с оружием? – слегка растерялся сэр Эдвин. – Только вот откуда такой обоз здесь взялся?

– Это вам, как здешнему шерифу, виднее. Но если бы и так: где он взял таких опытных бойцов? Со мной ведь едут настоящие воины, часть моей дружины[20 - В описываемое время епископы возглавляли обширные церковные владения, имели свои замки, а для защиты этих владений и замков (которые могли подвергнуться нападению, равно как и владения обычных сеньоров) держали собственные дружины.]. И если они понесли такой большой урон за несколько минут сражения, то, выходит, против них сражались тоже воины, а не головорезы, забросившие плуг и ставшие грабителями.

Шериф и сам уже понимал, что здесь какая-то неразбериха, никак не получается, что на епископа и его свиту напали разбойники Робина. Но если не они, то кто же? Объявись прямо здесь, в Шервудском лесу, в самом логове Гуда, другая шайка, он бы едва ли это потерпел. Да и разве другая шайка была бы вооружена арбалетами, боевыми мечами, как на подбор одинаковыми, одета в новенькие, только с наковальни кольчуги? Кто же это такие?

Словно отвечая на его мысли, епископ Уорвикширский задумчиво проговорил:

– Эти люди – наемники. И я уверен, что они не просто шатались по лесу, ища, кого бы обобрать. Они меня встречали. Вопрос, откуда им стало известно, как именно я поеду? Допустим, это нетрудно угадать – дорога кратчайшая. Но другой вопрос: если вы, шериф Ноттингема, не знали о моей поездке, то откуда узнал тот, кто послал их?

– Вы предполагаете, кто это может быть? – почти резко спросил сэр Эдвин. – Чьи это люди?

Епископ по-прежнему смотрел ему в глаза, но Веллендер тотчас понял, что не услышит на сей раз искреннего ответа. Впрочем, запираться и лукавить его собеседник тоже не стал.

– Предполагать-то предполагаю, но если выскажу свои предположения, то придется рассказать и о том, с кем я должен встретиться, и ради кого пустился в путь. А этого я сказать уже не могу. Да и для вас вряд ли безопасно было бы это узнать.

– Ну, знаете, ваше преосвященство! – сэр Эдвин готов был расхохотаться. – Вряд ли ваше путешествие опаснее моей службы.

– Конечно. Но это ваша служба. Рисковать за пределами своих обязанностей вы не должны.

Шериф не успел ответить епископу. С заросшего редким лесом и курчавым кустарником склона, который совсем недавно на полном скаку одолела дружина сэра Эдвина, внезапно донеслись фырканье лошадей и треск сучьев. А затем сорванный, как всем показалось, детский голос отчаянно воззвал:

– Ради Господа Бога, помогите!!!

Глава 3. Маленькая корзинщица

– Построиться! – крикнул шериф.

Его воины, едва успевшие перевести дыхание после схватки, сумели, однако, мигом исполнить приказ. И вот уже все они, исключая двоих раненых, которых в это время перевязывали люди епископа, вскочили на коней и вновь обнажили мечи, приготовившись скакать вслед за сэром Эдвином, только на сей раз не вниз, а вверх по склону.

Но едва конь шерифа одолел пару туаз, как из зарослей выскочила и со всех ног кинулась ему навстречу женщина, а за нею, свистя и улюлюкая, показались четверо молодцов в таких же кожаных рубахах, какие скрывали кольчуги недавних разбойников. Они были так увлечены погоней, что в первые несколько мгновений даже не заметили скачущего им навстречу шерифа.

Пробежав несколько десятков шагов, девушка, и так едва дышавшая, оступилась и упала лицом вниз.

– Что, лапушка, попалась? И стоило ли столько бегать? – торжествующе завопил один из преследователей.

Расхохотавшись, он ринулся к упавшей и… с разгона едва не врезался в коня сэра Эдвина.

– Куда, приятель? – шериф, ловко перегнувшись, ухватил парня за ворот рубахи, на беду ее обладателя, сшитой из прочной телячьей кожи.

Остальные трое разом остановились и, вытаращив глаза, уставились сперва на шерифа, а уже затем (слишком поздно!) на догнавших его и окруживших всю компанию воинов.

– Пустите меня, пустите! – вопил схваченный за ворот парень. – Я же ничего не сделал! Я совсем ничего не сделал!

– А от женщины вам что было нужно? – голос сэра Эдвина выдал не гнев, скорее насмешку. – Кроме того, я, кажется, знаю, кто вы.

– Добрые христиане, бедные вилланы, сэр шериф!

Это произнес старший из всей четверки, мужчина лет сорока или чуть меньше. Внешность у него была примечательная. Громадный рост, могучая, как ствол дуба, фигура, колоссальные плечи – все это наверняка могло бы устрашить кого угодно. С толку сбивало лицо великана: круглое, румяное, невероятно добродушное, к тому же покрытое россыпью золотых веснушек и окруженное мальчишескими светлыми кудрями.

– Это вы-то бедные вилланы? – воскликнул Веллендер. – Ну-ну! А откуда вы знаете в таком случае, что я – шериф?

– Так ведь видно! – слегка смутился великан.

– Конечно! Будто мало ездит по дорогам вооруженных людей. К тому же, – тут голос шерифа стал по-настоящему суров, – к тому же не только ты меня, приятель, но и я тебя давно уже знаю в лицо. Или не так, а, Малыш Джон?

Румяное лицо сделалось и вовсе пунцовым, меж тем как рука великана все выше тянулась к торчащему над его плечом концу лука.

– Э-э, с кем-то вы меня спутали, сэр.

Шериф расхохотался:

– Ну, такого, как ты, спутать не с кем. Если бы в Англии водились слоны, я бы еще поверил в такую путаницу. Но лучший приятель разбойника Робина водится тут только один. Не трогай лук, Джон. Арбалет у меня не заряжен, но, покуда ты натянешь тетиву, я успею снести тебе голову. А жаль – голова-то какая курчавая!

Великан помрачнел, видя, что и в самом деле не успеет даже снять лук с плеча. Разбойник, которого шериф держал за шиворот, почти перестал трепыхаться и злобно смотрел снизу вверх на сэра Эдвина. И тут один из двоих оставшихся приятелей Малыша Джона с быстротой белки прыгнул к лежащей, очевидно в беспамятстве, девушке, ухватил в горсть пряди ее рассыпавшихся по земле темных волос, запрокинул ей голову и приставил к тонкой девичьей шее нож.

– А ну, шериф, чтоб тебя черти в аду жарили на медленном огне! А ну, отпусти Гилберта и вели своим гончим отъехать назад! А не то я вмиг перережу этой тетерочке глотку!

Веллендер пожал плечами и с той же, если не с большей, быстротой обнажил меч и занес его над своим пленником.

– Мне-то что за дело? – спокойно произнес он. – Хочешь резать, режь, не заплачу. Но поскольку я, как шериф Ноттингема и Ноттингемшира, обязан защищать их жителей и карать за посягательство на их жизнь, то если ты, парень, причинишь зло девушке, то я с чистой совестью отрублю голову твоему приятелю, а после и всем вам.

– Ну-у? – нож уже дрожал в руке разбойника, но тот все еще пытался изображать наглость. – И не постараешься вызнать у нас, где Робин?

– Где ваш Робин, я на этот раз знаю и так, – последовал ответ. – А если он оттуда удерет, то и вы не будете знать, куда он направится. Так что никакой ценности вы четверо для меня не представляете. Разве что за Малыша Джона стоило бы потребовать с Гуда выкуп, друг ведь, как я понимаю. Но, думаю, Робин не сменяет свою голову на твою, Малыш. Он ведь отважен только напоказ. Впрочем, на сей раз правильно сделает: тебя-то я все равно не отпущу. Эй, взять их!

Сэр Эдвин был уверен, что разбойник с ножом не исполнит своей угрозы, и не ошибся. В таких случаях уступать нельзя, не то погубишь того, кого хочешь спасти. Нож упал на землю. Подскакавшие воины быстро скрутили разбойника и двоих его товарищей. Однако с Малышом Джоном пришлось повозиться. Четверо воинов, спешившись, с трудом сумели заломить ему руки за спину, и только-только собирались захлестнуть их петлей, как великан разом вскинул обе руки, и крепкие парни из дружины сэра Эдвина взлетели в воздух, точно пара котят.

Двое других хотели было вцепиться в разбойника, однако тот расшвырял их точно таким же образом, а затем с разбега вскочил в опустевшее конское седло, выбрав из четырех самого рослого жеребца. Раздался пронзительный свист, конь рванул с места и врезался в заросли, из которых недавно появились преследуемая девушка и молодцы Робина Гуда. Несколько пущенных вслед беглецу стрел, очевидно, не достигли цели, Малыш вскоре скрылся из вида, а команды преследовать его воины не получили: шериф отлично знал, как умеет стрелять этот с виду грузный детина.

– Ловко, ничего не скажешь!

Эти слова произнес его преосвященство епископ Уорвикширский, уже давно подъехавший к сэру Эдвину и не без усмешки наблюдавший за происходящим.

– Чего-то подобного я ожидал, – с плохо скрытой досадой ответил шериф. – Эй, кто-нибудь посмотрит, что с девушкой, или мне самому слезать с седла?

– Девушка цела, просто в обмороке, – сообщил молодой оруженосец Веллендера, опускаясь на колени возле упавшей, переворачивая и приподнимая ее. – Судя по тому, как у нее разбиты и изранены ноги, она убегала от этих нечестивцев с полчаса, не меньше, вот и не выдержала. Дайте-ка мне кто-нибудь флягу.

Юноше протянули сразу пять или шесть фляг. Всем захотелось помочь беглянке, сразу вызвавшей у воинов самую горячую жалость. И в самом деле, девушка, хотя и одетая в лохмотья, к тому же истерзанная ветвями и колючками кустов, хотя и с измазанным землей личиком, все равно оказалась очень хороша. Совсем юная, по сути дела, еще подросток, невысокая, хрупкая, с длинными-предлинными темно-каштановыми волосами, наверное, заплетенными с утра в косы, но теперь рассыпавшимися по земле, с нежной, будто у знатной дамы, кожей(за исключением ладоней, но крестьянская работа не может оставить руки нежными), с тонкой талией, перехваченной двадцать раз залатанным корсажем, с ресницами, опустившимися чуть не до середины залитых слезами щек, она была невероятно трогательна.

– Не поите ее водой! – воскликнул сэр Эдвин, тоже проникшийся сочувствием к девочке. – Вот, в моей фляге есть вино, влейте ей один-два глотка, и она очнется.

Он оказался прав. Вино вызвало легкий румянец на бледные щеки беглянки, она пару раз кашлянула и открыла глаза. Обвела взглядом склонившиеся над нею мужские лица, возможно, поняла, что ее спасли, и заплакала, привстав на правый локоть и левой рукой прикрыв перемазанное личико.

Покуда оруженосец и остальные воины вовсю утешали маленькую крестьянку, сэр Эдвин перевел взгляд на троицу скрученных разбойников, с самым мрачным видом сидевших между двух коней, к седлам которых их привязали.

– И как у вас хватило свирепости напасть на такую крошку? – теперь шериф едва сдерживал гнев. – Она же совсем ребенок!

– Это он им приказал! – вдруг сквозь слезы сказала девочка.

– Кто? – резко повернулся в седле шериф.

– Он. Робин. Я живу в селении, вон там, за этим склоном и за ручьем. Мой дед был корзинщик, но он умер недавно. А Робин Гуд как-то жил со своими людьми в нашей деревне, и я ему понравилась. Многие женщины злились на меня, потому что им нравился он. Но я-то, я-то не хотела!

Она заплакала еще сильнее и, всхлипывая, продолжала:

– Я ему говорила, что мне только четырнадцать лет, тогда даже еще и не было четырнадцати! Говорила, что хочу замуж выйти, а не так вот… Он только смеялся и отвечал, что все равно своего добьется: мол, ни одна женщина ему не откажет, если он очень захочет. Потом они уехали. А сегодня он прискакал вот с этими людьми и сказал: «Я знаю, что твой дед умер! Одна ты все равно не проживешь. Поехали с нами!» И я бросилась бежать. А Робин как закричит своим людям: «Догнать ее и ко мне! Что за взбалмошная девка!» Я бежала изо всех сил, а они скакали за мной верхом, но через ручей переправиться на конях не сумели: ручей очень широкий, течение быстрое, а переправа по камням. Лошади там ноги переломали бы. Тогда они просто побежали за мной. Кричали, что я своего счастья не понимаю. Какое же это счастье?!

Девочка захлебнулась слезами, а шериф вновь сумрачно поглядел на пленников.

– Она говорит правду?

Все трое молчали.

– Значит, правду. Н-да! Хорош защитник бедных и угнетенных…

– Но в одном теперь можно оправдать Робина Гуда, – спокойно заметил епископ. – Мы окончательно уверились, что не его люди напали на мой отряд. Едва ли разбойник занимался одновременно любовными похождениями и дорожным грабежом.

– Да в том, что на вас напали не люди Гуда, я и так уже был уверен! – махнул рукой сэр Эдвин. – Однако те, кто пошел на такую подлость, ваше преосвященство, могут вновь на это решиться – почем знать, сколько их на самом деле.

– Я думаю о том же, – кивнул епископ Уорвикширский. – Даже почти уверен, что нападение может повториться. Они явно знают, чего хотят.

– В таком случае мой долг – проводить вас до границ Ноттингемшира. Тем более, – хмуро добавил Веллендер, – что Робин теперь уж точно от нас уйдет: коль скоро он был неподалеку, то Малыш Джон до него вот-вот доберется и предупредит.

– Но он же без лошади, а мы верхом! – возразил было кто-то из воинов.

– Они тоже были верхом, просто оставили лошадей возле ручья, чтобы вернее догнать «добычу». Забыл? – усмехнулся шериф. – Нет, о Робине можно в очередной раз забыть. Мы едем с его преосвященством.

Епископ поблагодарил сэра Эдвина кивком головы и подъехал к своим воинам, чтобы передать им решение шерифа. Между тем оруженосец вернул флягу Веллендеру и спросил:

– А что теперь делать с девчушкой, мессир, и куда девать этих отродий? – он кивнул на связанных разбойников. – Может, кто-то из нас отвезет ее домой, а двое или трое из отряда доставят пленных в Ноттингем?

– Умнее не придумаешь! – не сдержался шериф. – Тебе двадцать лет, Фредерик, надо бы научиться не только стрелять и махать мечом… В деревне девочку как раз и сцапает Робин – вернется завтра, послезавтра, ну через неделю, и получит то, чего хотел. Тем более, коль скоро внучка корзинщика едва ли не единственная, кто не захотел в его объятия. Что до пленных, то тут уж и гадать не надо: разбойники расползутся по всему лесу и будут ждать. Узнают, какой дорогой везут их дружков, и можно поминать наших воинов – стреляют эти парни отменно. Особенно, когда их не видно.

– Тогда как же нам поступить, сэр? – спросил один из воинов. – Ну, малышку можно с собой взять и после отдать на попечение в какой-нибудь монастырь. А этих? Не с собой же тащить?

В светлых, серых, как полированная сталь, глазах сэра Эдвина сверкнула и угасла ярость. Он всю жизнь старался не давать ей воли, зная, как подводит она в общении и с равными, и со слугами, и как опасно проявлять ее в бою. Но сейчас ему было особенно трудно справиться с собой – он не смотрел на плачущую девочку, но от ее рыданий на душе у него делалось все темнее.

– Никуда мы их не потащим! – проговорил он наконец. – Вон там, левее, растут два ветвистых дерева. Приказываю повесить всех троих.

У двух разбойников вырвались короткие сдавленные вопли, третий, тот, что грозился перерезать девочке горло, разразился грязной бранью, выдавая тем самым еще больший страх. Зато воины шерифа разом повеселели – они немало гонялись за людьми Робина Гуда, немало хоронили своих товарищей, убитых разбойничьими стрелами, и приказ сэра Эдвина пришелся им как нельзя более по душе. Живо смастерив три петли, они потащили пленников к деревьям.

– Но, сэр шериф! Так же нельзя! Нельзя же казнить этих людей без суда!

Этот полный ужаса крик вырвался у маленькой внучки корзинщика. Более того, она вскочила на ноги и бросилась к шерифу, ловя узду его коня и пытаясь схватить его за руку.

Вряд ли ее порыв сильно изумил сэра Эдвина. Жалостливых дурочек он встречал в жизни немало. Однако сейчас эти вопли были уж слишком неуместны. Добро бы к нему воззвал епископ, ему положено, он священник. Но нет, тот молчит,

только смотрит с улыбкой на девочку и на самого шерифа. А она едва ли в седло не карабкается!

– Прошу вас, сэр! Умоляю вас! Их надо судить!

– А я и сужу, – надменно произнес Веллендер. – Я – шериф Ноттингема. В моей власти вершить суд над разбойниками, захваченными на месте преступления. И приговор, который я им вынес, может быть исполнен немедленно. И будет исполнен немедленно, потому что мы спешим.

– Отправить троих людей в ад из-за того, что вам некогда! – она задохнулась, но нашла в себе силы продолжить. – И ведь я тоже, тоже виновата… Это произошло из-за меня!

– Из-за тебя?

– Ну да! Ведь Робин Гуд приказал им, при-ка-зал! Они же не могли его ослушаться… И они все, все, все думают, что для меня так действительно было бы лучше. Сэр шериф, ради Господа Нашего Иисуса Христа! Они должны исповедаться, должны покаяться… Если их вина так уж велика, то осудить их должен суд!

Сэр Эдвин наклонился с седла и выдохнул ей в лицо:

– Еще раз повторяю: суд здесь я! И судья – тоже.

– И здесь, и везде, сэр, судья – только Бог!

Она произнесла эти слова с такой неожиданной, уверенной силой, что шериф отшатнулся. Потом махнул рукой воинам, уже надевавшим на шеи осужденных петли:

– Подождите!

Несколько мгновений они смотрели друг на друга оценивающе, выжидающе. И вдруг зареванное личико расцвело сверкающей улыбкой:

– Господи, ну какая же я дурочка! Вот уж дурочка-то! Как я сразу не поняла? Вы же хотите просто их напугать! До смерти напугать, чтобы никогда больше им такого делать не захотелось. А потом… потом возьмете и просто отпустите. Ведь так?

– Почему ты так решила?

– Но вы же такой добрый…

– Я?

– Конечно.

Шериф едва не задохнулся от смеха. Ну да, в четырнадцать лет человек еще не может быть умен. Но и так глуп – тоже. С чем же граничит такая глупость? С безумием? Чушь! Безумия тут нет и на медный пенни. А тогда с чем? Со святостью, что ли? Чего-чего, а проявлений святости ему пока встречать не приходилось. Не с чем сравнивать.

– Как тебя зовут? – вдруг спросил он девочку.

– Изабель. Изабель Келли.

– Очень хорошо. Я – сэр Эдвин Веллендер. А почему ты, Изабель, решила, будто я добрый?

– Потому что вы очень красивый. Красивые всегда добрые. Ведь красота от Бога. И от ангелов.

Смех сэра Эдвина оборвался. Несколько мгновений он мучительно вспоминал, когда последний раз смотрел на себя в зеркало. Кажется, года два назад. Или три. И какая же там была красота? Жесткое, резко очерченное лицо с крупными чертами. Неестественный контраст обветренной до черноты кожи и совсем светлых волос. Черные, как сажа, ресницы и брови. Еще и подбородок, да часть щек светлее всего лица – шериф всегда дочиста брил бороду, но во время походов, длительных вылазок щеки покрывала щетина, и под ней загар обычно бывал чуть слабее.

Невольно сэр Эдвин обернулся к епископу. Тот улыбался, уже не сдерживаясь, а его глаза просто светились, излучая радость. Почти такую, какая играла сейчас в карих с золотом глазах Изабели. Интересно, а чему он радуется? Или ему просто смешно? И почему шерифу совершенно не хочется обратиться к этому мудрому человеку за советом? Потому как ясно, что тот посоветует?

Шериф наклонился, подхватил девочку подмышки и усадил в седло впереди себя. Она не только не испугалась, но, кажется, еще больше обрадовалась. Даже слегка взвизгнула от восторга.

Веллендер въехал под светло-зеленый шатер двух раскидистых древесных крон и поморщился, когда его смазала по щеке качавшаяся на ветру толстая пеньковая петля. Три пары глаз впились в его лицо, пытаясь прочитать на нем то, чего все трое так яростно хотели, но на что не надеялись: отмену его решения.

– Итак, – сказал шериф, без нужды возвышая голос (кругом было совершенно тихо), – я приговорил вас, троих разбойников и мерзавцев, к смертной казни. Но вот эта девочка, что сейчас сидит передо мной, та, которую вы хотели похитить и отдать на поругание своему негодяю-главарю, она попросила меня о вашем помиловании. Помиловать вас и отпустить, как ей хотелось бы, я, само собой, не могу. Потому что ни один из вас и не подумает раскаяться, а будет по-прежнему грабить и убивать людей. Однако раз девчонке так угодно, то пускай вашу судьбу и впрямь решает суд в Ноттингеме. Если вам повезет и кому-то потребуются рабы, возможно, судьи и оставят вас в живых. Правда, придется таскать вас за собой, покуда мы не вернемся в город, но, в конце концов, после схватки на дороге осталось немало лошадей. Эй, ребята, – повернулся он к своим воинам, – скрутите-ка этих мерзавцев покрепче да усадите верхом. И сами тоже садитесь в седла, мы и так потеряли уйму времени.

Глава 4. Принц Джон

Звук рога раздался совсем близко, и к нему присоединился второй. Значит, загонщики возвращаются вместе с охотниками. То есть охота, скорее всего, завершилась успешно. А, выходит, вскоре вся эта компания, с лающими собаками, топочущими, ржущими, воняющими потом лошадьми, смеющаяся,

весело бранящаяся, неистово шумная, прихлынет сюда, на поляну. И покой будто ветром унесет. А ведь как сладко спалось на заросшей мхом и вереском поляне, под разноголосый щебет пташек, порхающих в широких кронах вязов и буков, под деловитое жужжание диких пчел, спешивших до наступления поздней осени собрать весь оставшийся нектар и доверху наполнить соты! Воздух настоян на меду и воске, на густой смоле и увядающих травах. Вот это запах! В городе такого не бывает. Дышал бы и дышал. И что за радость в неистовой скачке меж деревьями, по едва заметным лесным тропам, в погоне за какой-то там ланью, оленем или лисицей? Лететь, понукая коня, то и дело рискуя из-за случайной кочки сломать себе шею, на скаку целиться в несущуюся впереди дичь… Которую, даже если попадешь в нее, все равно еще надо свежевать, потрошить да еще приготовить! Конечно, это сделают другие, но ждать-то сколько! Совершенно другое дело, когда тебе приносят на блюде жареное мясо с соусом, с зеленью, с блестящими угольками чернослива. И с вином. Вкусно, спокойно, и никаких усилий.

Его высочество принц Джон поморщился, окончательно просыпаясь. Спал он в уютной тени походного шатра, на расстеленном поверх мха ковре, который, в свою очередь, был покрыт парой волчьих шкур. Так принц чаще всего и проводил охоту, предоставляя придворным и слугам носиться по лесу сколько их душе угодно. И чем дольше, тем лучше – иначе как следует не выспишься.

Принц поступал так не из-за немощи. Ему шел двадцать шестой год, и хотя он не уродился здоровяком, но неизлечимыми хворями тоже не страдал. Просто ему никогда не нравилось прилагать лишние усилия. Покуда был жив его отец, король Генрих II, принцу нередко приходилось упражняться во владении мечом, в стрельбе из лука, верховой езде, отец на этом настаивал, возмущаясь, что его младший сын настолько слабее и нерешительнее двух своих старших братьев, Генриха и Ричарда. Ослушаться грозного родителя Джон не смел, однако занятия не шли ему впрок, потому что он ненавидел их всем сердцем. Принц не понимал, для чего ему все это: разве в Англии некому воевать?

После смерти отца юноша решительно забросил всякие упражнения, и никто его к ним уже не понуждал, как не понуждали его и к учебе, которую он не любил, пожалуй, еще сильнее. Генрих II, как все норманны, говоривший на северофранцузском языке, знал еще латынь, фламандский и итальянский, а матушка Джона, королева Элеонора, кроме этих языков свободно владела древним и современным греческим, отлично говорила по-английски, за что ее обожали слуги, а потом выучила еще и немецкий. Она, кроме того, разбиралась в

самых разных науках, недаром к ней то и дело приезжали всякие ученые мужи, чтобы вести умные беседы. Любовью к изучению языков и к знаниям неугомонная леди Элеонора увлекла и своего любимого сына, Ричарда, который хотя и занят был более всего войнами, однако тоже умудрился стать на диво грамотным.

От Джона мать этого не требовала – она хорошо видела, как противно ее младшему сыну любое напряжение ума. Ее не обманывала и его якобы страсть к охоте – прекрасная наездница и меткий стрелок (до сих пор, а ей вот-вот семьдесят стукнет!), леди Элеонора отлично видела, что Джон любит вовсе не охотиться, а просто уезжать из города и всласть бездельничать, ожидая, пока ему приготовят вкусной дичи и накроют стол среди какой-нибудь красивой лужайки.

Принцу как-то передали, будто его матушка однажды в сердцах обронила: «Если бы Джон просто не любил всякую работу, то и пускай его. Но при этом он всей душой любит власть! Неужели не понимает, что тяжелее работы не бывает?»

Да, в этом она тоже была права. А разве есть на свете кто-нибудь, кто отказался бы от власти? И ведь в этом принцу Джону как раз начинало везти! Казалось бы, от рождения никаких надежд – четвертый сын короля, на что тут надеяться? Но родился он уже не четвертым, а третьим, самый старший сын Генриха и Элеоноры умер совсем маленьким. А второй, в честь отца тоже Генрих, заболел и отдал Богу душу еще до кончины короля. И престол перешел к матушкиному любимцу, к Ричарду.

Джон и самому себе до поры до времени не признавался, но в его сознании все время жила одна неотступная мысль: почему бы Ричарду тоже не умереть? Он ведь такой храбрый, только и лезет в самое пекло, во все сражения, совершает всякие подвиги… И нет же! Другие гибнут, а Львиное Сердце живехонек! Вот он, Джон, нипочем бы не стал так рисковать, ни за что на свете.

Когда старший брат не вернулся из Крестового похода, принц уже не сумел скрыть радости. Неужели его мечта исполнится? Неужели он, четвертый сын, все же станет королем?!

И вот опять! Недавно в Англию пришло известие, что Ричард жив. Будто бы он у кого-то в плену. Но хоть и в плену, однако при живом короле Джону опять же не

видать короны!

Он еще раз потянулся на пушистом волчьем меху, привстал и поискал глазами большую глиняную флягу. В ней была вода – вина его высочество тоже не любил. Принц глотнул из горлышка раз, другой и сморщился: надо же, теплая! А ведь не на солнце лежала. Придется кликнуть кого-нибудь из пажей и послать к роднику за свежей водой – родник здесь неподалеку. Где эти бездельники? Наверняка пристроились под соседним деревом и кидают кости!

Джон нашарил зарывшийся в мех длинный серебряный свисток и что есть силы в него дунул.[21 - Именно свисток служил в Средние века, да и много позже, для вызова слуг. Знакомый всем колокольчик на ручке сменил его лишь в XVIII веке.] Пажи тотчас явились. Сразу двое. Они наперегонки кинулись выполнять приказ, прихватив кроме глиняной фляги еще и кожаную, будто бы он выпьет сразу такую прорву воды!

Но не успели посланцы возвратиться, как поблизости послышался стук копыт, а затем в проеме шатра явился третий паж и сообщил:

– К вашему высочеству его светлость граф Лестер!

– Что ему надо?

Настроение у принца совсем испортилось. Этот уж если явился, то, как всегда, с важными делами. А в такую погоду, посреди леса, в час отдыха хочется ли слушать всякую деловую болтовню! Два с лишним месяца графа не было в Лондоне и, кажется, в Англии – вот благодать-то была… Раз в день выслушать несколько докладов придворных, подписать два-три указа и отослать подальше надоедливых жалобщиков. Кто-нибудь из недовольных баронов, городских старост, шерифов что ни день, то явится. И налоги стали непомерные, и указы, видите ли, друг другу противоречат, и крестьяне из-за этих самых налогов бунтуют, одни неприятности у бедных подданных! Почему они Ричарда так не осаждали? Сказать бы, что его и в Англии-то почти не было – все на войне и на войне, но нет же, бывал, даже и сам объезжал все графства, и сам принимал всех этих скучных сеньоров. И на него упреки не сыпались. Оно понятно: ну-ка упрекни его – ведь и головы лишиться можешь!

Впрочем, леди Элеонора однажды мимоходом заметила Джону, вздумавшему высказать ей эти мысли:

– Надо знать, когда и насколько можно увеличить налог, кому и какую дать повинность, кого и с кем не следует сталкивать. И над указами думать, а не просто их подписывать. А ты их не только подписываешь, не читая, а и диктуешь писцам, не думая, что приказываешь, милый Джони! А потом возмущаешься, что подданные недовольны.

В глубине души он понимал, что его мать права. Как всегда, права! Как скучно… Но, возможно, так будет не всегда. Сделаться бы королем, по-настоящему королем, возможно, тогда у него стало бы все это получаться?

– Граф к вам со срочным делом, – ответил паж на негодующий вопрос принца.

– Когда же у него дела были не срочные? Зови его, Лиланд, зови. Только пускай не садится на мой ковер. Положи рядом вон те подушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Туаза – распространенная мера длины в ряде стран средневековой Европы. Равнялась примерно 1 м 80 см.

2

Донжон – центральная башня средневекового замка. Служила как жилое помещение, но нередко и как тюрьма.

3

Действие повести происходит в середине XII века. Во второй половине XI века Англия была завоевана норманнами. После этих событий верхушкой английской знати стали норманнские рыцари, которые в большинстве своем не знали английского языка.

4

Вилланами называлась основная масса крепостных крестьян в Англии XI–XII веков. Вилланы облагались значительной данью, но имели и некоторые права, существовавшие до закрепощения большей части крестьянства страны.

5

Среди английских крестьян были приняты обращения к сеньорам, возникшие при формировании феодальных отношений еще до завоевания Англии норманнами. Поэтому пастух называет рыцаря милордом, его же дружинники, говорящие с ним по-французски, применяют обращение «мессир».

6

Аббат – настоятель монастыря, т. е. аббатства.

7

Объединение английских графств в единое государство осуществилось в 829 году. Королем стал граф Уэссекса Экберт. В течение двухсот с лишним лет страной правили короли англосаксы. Когда в 1066 году Англию захватили норманны, трон занял их предводитель Вильгельм, прозванный Вильгельмом Завоевателем. Его сын Генрих I, умерший в 1135 году, не имел сыновей, что вызвало длительные междоусобные войны и столкновения. Наконец враждующие пришли к соглашению, и в 1153 году наследником престола был признан Генрих Плантагенет, граф Анжуйский (1154–1189).

8

Уитегемот – собрание родовой знати, решавшее в Англии периода раннего Средневековья важные государственные вопросы.

9

Миля – мера длины (расстояния), принятая у различных народов с очень древних времен. Сохранялась в Европе до введения метрической системы, однако в Англии эта система так и не была введена. В различные годы и в разных странах длина мили колебалась от 0,56 км (Древний Египет) до 11,2 км (древняя чешская миля). В Англии миля равняется 1,6 км.

10

В Англии конца XII века большая часть крестьян была в крепостной зависимости от баронов (сеньоров) либо от самого короля. Существовали различные степени крепостной зависимости. Однако был и определенный процент вольных крестьян, обязанных выплачивать сеньору дань, но не связанных с ним никакими более обязательствами.

11

Бармица – кольчужный подшлемник, защищавший шею и подбородок воина.

12

Гамбезон – верхняя одежда, обычно надеваемая поверх кольчуги (позднее – поверх рыцарской брони), реже – под кольчугу. Представлял собой длинный камзол без рукавов, сшитый из нескольких слоев плотной ткани и тщательно простеганный.

13

Шериф – в средневековой Англии государственный чиновник, подчинявшийся напрямую королю и осуществлявший контроль за соблюдением порядка на определенной территории.

14

Луи (Людовик) Седьмой (1120–1180) – король Франции, один из предводителей Второго Крестового похода (1147–1149).

15

Йоркшир и Линкольншир были основными районами средневековой Англии, где разводили овец. Однако производство сукна там не было развито, и шерсть продавали на юг Англии, а главным образом во Фландрию, где производилось высококачественное сукно, которое, в свою очередь, везли для продажи на север Англии и в другие государства Европы.

16

На самом деле Ричард Львиное Сердце привел свою армию почти к самым стенам Святого города и мог бы захватить его, однако в армии крестоносцев начались разногласия, причиной которых стали амбиции большинства их вождей и их великая зависть к славе и подвигам английского короля. Ричард понял, что, взяв Иерусалим, не удержит его, не захотел попусту губить своих воинов и принял предложенное Саладином мировое соглашение.

17

Арабское название, сохранившееся до сего дня – Акра.

18

Уорвикшир – одно из графств, соседствовавших с Ноттингемширом. Находилось немного южнее его.

19

В описываемое время быки были в Европе самым распространенным гужевым скотом. Их запрягали в телеги, а для этого подковывали наряду с лошадьми.

20

В описываемое время епископы возглавляли обширные церковные владения, имели свои замки, а для защиты этих владений и замков (которые могли подвергнуться нападению, равно как и владения обычных сеньоров) держали собственные дружины.

21

Именно свисток служил в Средние века, да и много позже, для вызова слуг. Знакомый всем колокольчик на ручке сменил его лишь в XVIII веке.

Купить: https://tellnovel.com/ru/izmaylova_irina/robin-gud

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить